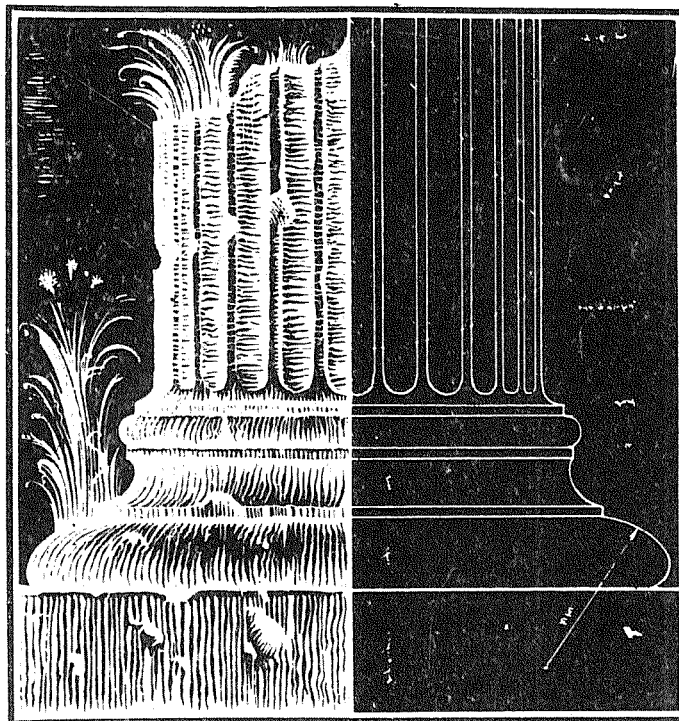


ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ
ПО ГРАЖДАНСКОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ И АРХИТЕКТУРЕ
ПРИ ГОССТРОЕ СССР

Центральный научно-исследовательский и проектный институт
по градостроительству

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ РЕСТАВРАЦИИ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ



Москва - 1986

44
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ
ПО ГРАЖДАНСКОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ И АРХИТЕКТУРЕ
ПРИ ГОССТРОЕ СССР

Центральный научно-исследовательский и проектный институт
по градостроительству

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ РЕСТАВРАЦИИ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ

Под редакцией зав. сектором ре-
конструкции исторической город-
ской среды и использования па-
мятников архитектуры ЦНИИТИА
канд. архитектуры Щенкова А.С.



ЦЕНТР ИСТОРИКО-
ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Москва - 1986

История и теория реставрации памятников архитектуры.

Сб. науч. трудов (Центр н.-и. и. проект. ин-т по градостроительству); под ред. А.С.Щенкова. – М.: 1986, с. 100, ил. 19

В сборнике на материалах новых архивных изысканий освещаются вопросы истории формирования методики отечественной реставрации памятников архитектуры в XIX–XX вв. Освещаются связанные с реставрацией проблемы изменения отношения к наследию, организационные формы охраны и реставрации памятников. Специально рассматривается влияние исследований по истории реставрации на формирование современной реставрационной методики.

Сборник рассчитан на реставраторов и других специалистов в области сохранения ценного историко-архитектурного наследия, на историков архитектуры, а также на читателей, интересующихся этими вопросами.

Сборник подготовлен сектором реконструкции исторической городской среды и использования памятников архитектуры ЦНИИТИА.

Редакционная коллегия: канд.архит. А.С. Щенков (гл. редактор), А.Л.Багалов, Т.Н.Вягчина.

Одобен Ученым советом ЦНИИТИА 10 апреля 1986 г., протокол № 7.

ВВЕДЕНИЕ

ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА И СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ АРХИТЕКТУРНОЙ РЕСТАВРАЦИИ

Щенков А.С.

В формировании и обосновании своих теоретических концепций современная реставрационная наука постоянно обращается к историческому материалу, стремясь на опыте прошлого постигнуть методы работы с памятниками архитектуры. И это естественно, так как реставрация памятников относится к той области деятельности, в которой методика и обосновывающая ее теория во многом формируются путем "проб и ошибок". В свое время критика романтических реставраций, а позднее широкое осознание дефектов стилистических воссозданий способствовали переходу к новым теоретическим концепциям. Так постепенно подготавливалось становление современных принципов реставрационной деятельности, важнейшие среди которых – принцип минимального объема замен и дополнений в памятнике, принцип строгой обоснованности любых воссозданий ("реставрация прекращается там, где начинается гипотеза"*) и как следствие – принцип приоритета консервации перед реставрацией.

* Международная хартия по консервации и реставрации исторических памятников и достопримечательных мест 1964 г. ("Венецианская хартия"), §9. – Публикация в сб.: Методика и практика сохранения памятников архитектуры. – М.: 1974, с. 124–127.

Не только при первоначальном обосновании этих принципов, но при постоянно встречающейся необходимости вновь и вновь их подтверждать и доказывать теоретики и практики неизменно апеллируют к историческому опыту, показывая, например, что увлечение докомпоновками в стиле памятника вызывало критику еще со стороны М.Дворжака и К.Бойто, а стремление вернуть памятнику изначальный вид привело к потере таких произведений барокко и классицизма, как фасад церкви Санта-Бабила в Милане, колокольня собора Бориса и Глеба в Чернигове и др.

Оценивая распространенный сегодня подход к осмыслению исторического материала, следует отметить, что вполне правомерно анализировать опыт прежних реставраций для того, чтобы извлечь урок из результатов работ наших предшественников. При этом наше суждение, естественно, базируется на современных критериях оценки реставрационной деятельности. Такой подход не затруднителен и, как уже говорилось, достаточно широко распространен. Значительно сложнее разобраться в ходе эволюции реставрационных методов, в тех глубинных причинах, которые обуславливали происходившие изменения методики. Здесь уже не годятся современные оценки творчества старых реставраторов. Неправомерно считать наших далеких предшественников всего лишь не опытными в своем деле людьми, только приближавшимися к постижению тех принципов и тонкостей ремесла, которыми владеет современный мастер (хотя такая точка зрения и распространена в специальной литературе). Нельзя упускать из виду, что мастер всегда руководствуется социальным заказом, который постоянно меняется, будучи связан с общественными представлениями о ценности памятника. Вследствие этого мастер средневековья, Ренессанса или архитектор-романтик начала прошлого века вполне профессионально справлялись с заказом своей эпохи, но не могли предлагать современных нам приемов, например фрагментарной реставрации памятника. А если и получалось что-то напоминающее фрагментарную реставрацию, то побудительные причины в корне отличались от тех, которые сегодня вызывают к жизни этот прием².

² Опыты анализа действительных побудительных причин некоторых негравитальных исторических примеров охраны и реставрации памятников см.: Современный облик памятников прошлого. - М.: 1983; Подьяпольский С.С. Основы реставрации памятников архитектуры. - М.: 1983

Анализ побудительных причин проектно-реставрационных решений прошлого на первый взгляд имеет сугубо исторический интерес. Казалось бы, самое большее, чем грозит современной теории, ошибка в таком анализе, - это причисление к когорте единомышленников, подписавших в 1964 г. Венецианскую хартию, таких деятелей прошлого, как император Майориан (1У в.) или архитектор Веладье (нач. XIX в.). Думается, однако, что от исторического исследования можно ждать большего. Оно должно помочь уяснить, в какой мере старые методы реставрации изжили себя, а утвердившиеся сегодня могут считаться универсальными. В том, что подобные вопросы не лишены смысла, убеждает современная практика работы с архитектурным наследием.

В отечественной литературе отмечалось, что по различным странам Европы в послевоенные годы прокатилась волна целостных восстановлений памятников, противоречивших установившимся к тому времени принципам отношения к наследию. Теоретики склонны были относить это к чрезвычайности обстоятельств, вызвавших массовые разрушения памятников и потребовавших принятия чрезвычайных мер к возможно полной ликвидации нанесенного войной ущерба. Последующие десятилетия показали, однако, что идеи целостного восстановления продолжают жить в сознании не только рядовых горожан, но и профессионалов. Это касается и зарубежной и отечественной практики, в которой начало 80-х годов ознаменовалось по меньшей мере спорным воссозданием Золотых ворот в Киеве. Немало "новоделов" появилось в последние десятилетия в ФРГ, причем далеко не всегда они были связаны с разрушениями военных лет. Во всяком случае, в 70-80-х годах там восстанавливались сооружения, воссоздание которых еще в 50-60-х годах мало кем признавалось нужным. В.Пент, не без скепсиса отмечая тенденцию к повальному, часто не слишком научно обоснованному "строительству" памятников, в то же время категорически утверждает, что максима Георга Дейоса: "Консервация - да, реставрации - нет"³ - уже давно потеряла значение.

Все это заставляет думать, что идеи в области отношения к архитектурному наследию развиваются не столь просто, отнюдь не линейно, как было принято думать еще недавно. Возможно, на современном этапе начинают осознаваться ка-

³ Pent W. Spiele mit der Geschichte. - Der Architekt, 1982, N 3

кие-то новые аспекты общественной ценности памятников, что и приводит к изменениям в принципах охраны и восстановления наследия. Но с не меньшим основанием можно предположить, что некоторые ценностные критерии минувших веков, казалось бы, бесследно ушедшие в прошлое, на самом деле, пусть в трансформированном виде, продолжают жить в общественном сознании и влияют на теорию и практику реставрации.

Такое предположение заставляет с особой пристальностью вглядываться в основные этапы пройденного реставрацией пути, стараться глубже разобраться в мотивациях, вызывавших к жизни те или иные реставрационные решения. Важно понять, насколько различные точки зрения, более традиционные и более новаторские, заменяли одна другую или сосуществовали, противоборствовали или синтезировались в конкретных реставрационных решениях и теоретических подходах. Существенным оказывается вопрос о взаимосвязи и взаимозависимости позиций реставраторов, заказчиков и различных кругов культурной общественности. Более внимательно нужно рассмотреть и вопрос о том, какую роль в формировании представления об общественной ценности памятника играют те или иные его качества. В частности, можно предположить, что связь сооружения с определенным историческим местом или же его иконография (т.е. тип архитектурно-пространственного построения) более важные, более самостоятельные характеристики памятника, чем сегодня принято думать. Значимость этих характеристик продолжает сказываться на принимаемых реставратором решениях.

Очерченные выше позиции легли в основу историко-теоретического исследования развития отечественной реставрации памятников архитектуры, предпринятого коллективом сотрудников ЦНИИТИА, объединения "Союзреставрация" и Эстонской инспекции по охране памятников культуры.

В настоящем сборнике представлены некоторые результаты первого этапа работы. Думается, что уже сейчас они позволяют несколько по-новому взглянуть на методические вопросы, волнующие сегодня специалистов в области теории и практики реставрации памятников культуры.

ОТНОШЕНИЕ К ДОСТОВЕРНОСТИ ФОРМЫ И ПОДЛИННОСТИ МАТЕРИАЛОВ В РУССКОЙ РЕСТАВРАЦИОННОЙ ПРАКТИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Баталов А.Л.

Отношение к достоверности восстанавливаемой формы и к подлинности ее материала в эпоху становления научной реставрации, во второй половине XIX в., не сразу стало адекватно такому пониманию подлинного, какое складывается в современной теории реставрации. Эти отличия, однако, связаны не с ошибками, которые часто инкриминируются архитекторам XIX в., а с несколько иными целями восстановления памятников, что определялось особенностями той культуры, в контексте которой протекала такая реставрационная деятельность. В самом деле, культура XIX в., несмотря на ее принадлежность к "новому времени", сохраняла в некоторых своих областях элементы синкретичности, свойственной средневековью. Эти элементы обнаруживаются прежде всего в отношении к иконографии художественного произведения. При реставрации повторение иконографии означало сохранение и ценности произведения как памятника древности. Сам же материал (а первоначально и детальный рисунок формы) не представлялся уникальным и неповторимым. В некоторых случаях, в основном в первой половине XIX в., но иногда и позже, сохранение памятника древности не связывалось даже с сохранением его иконографии. Считалось, что достаточно сохранить место, на котором стояло разобранное сооружение, — на новое здание переносилось значение "памятника древности", оно воспринималось как повторение своего предшественника. В случае с церковными памятниками воспроизведение разобранного здания могло наряду с этим заключаться и в перенесении посвящения престола. Для второй же половины XIX в. наиболее характерно воспроизведение иконографии, которое делало новое здание, возведенное на месте древнего, памятником древности. Это связано с традиционным для культурного искусства пониманием подлинного как подобия прообразу: повторение формы реликвии переносит на новое произведение и ее сакральную значимость. В архитектуре форма как бы освящала новое сооружение древностью своей иконографии.

Такое отношение прослеживается к реставрации как крепостных, так и гражданских и церковных сооружений. Рестав-

рация же церковных зданий обладала дополнительными особенностями, связанными с тем, что храм после реставрации должен был оставаться церковью с совершаемыми службами. Часто возвращение постройке утраченного ею первоначального облика требовало разборки пристроек, переделки крыши, устройства более узких проемов, т.е. вело к уменьшению храмового пространства, усложняло удаление дождевых вод, затемняло помещения. Все это часто создавало преграды для превращения в жизнь проектов возобновления, корректировало их. Почвой для достижения компромиссов было создание стиливого единства памятников. Когда практические нужды требовали изменений в архитектуре храма, компромисс между заказчиками и профессиональными обществами, наблюдавшими за работами, достигался при условии сохранения облика здания: памятник должен был производить на зрителя целостное художественное впечатление¹.

Еще одна особенность реставрации культовых зданий была связана с тем, что храм восстанавливался как полноценное архитектурное сооружение, оценивавшееся по эстетическим критериям любого современного архитектурного произведения, т.е. как целостное произведение. В некоторых случаях это требовало сознательного отступления от достоверности реконструкции первоначального облика².

¹ Характерным примером может служить история перестройки Спасской Ружной церкви в Ростове. В 1894 г. в ИАК был представлен проект И.Шишкина строительства новой трехъярусной колокольни, так как древняя звонница не могла вместить всех колоколов. Благодаря стараниям А.А.Титова проект строительства этой колокольни, стилистически не связанной с архитектурой храма, был на заседании ИАК отклонен. Но практическая необходимость заставила комиссию разрешить пристройку — правда, не колокольни, а новой звонницы — при условии ее стилистической общности с обликом храма (ЛОИА, ф. 1, ед. хр. 145, л. 20 об.)

² Так, при реставрации Успенского собора во Владимире-Волынском неопределенным оставалось решение вопроса о завершении храма. Собор не мог существовать без традиционного завершения, и поэтому было замечено, что вопрос "о количестве куполов на фасаде храма. . . за неимением. . . археологических данных следует разрешить имея в виду денежные средства" (ЛОИА, ф. 1, ед. хр. 65-а, л. 115 об.). То же каса-

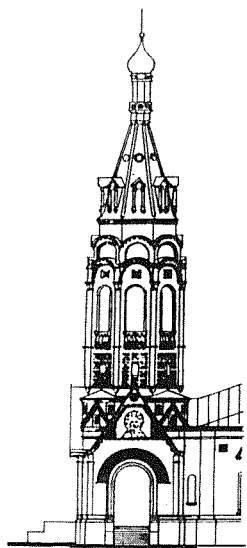
Суть подобных явлений синкретичности в подходе к реставрации памятников архитектуры можно сформулировать как нечеткость разделения в сознании XIX в. сакрально-мемориального и археологического значений. Однако признаки расчленения этой синкретичности уже обнаруживаются в реставрационной практике XIX в. Ряд наблюдений над этим процессом и составляет предмет данной статьи.

Было бы упрощением искать четкий временной рубеж в трансформации традиционных воззрений. Это не был путь постепенного приближения к принципам современной теории реставрации. Противоречия между воззрениями на достоверность восстанавливаемой формы и подлинность ее материала можно встретить не только в одно время у разных реставраторов, но и, в реставрационной практике одних и тех же архитекторов.

Так, Н.В.Сулганов в письме 1886 г. к А.А.Бобринскому по поводу реставрации Георгиевского собора в Юрьеве-Польском писал, что древность памятника и сложность его реконструкции вызывает сомнение в возможностях современной художественной археологии вернуть ему первоначальный облик и поэтому "вновь возведенные части, хотя вне сомнения более подходящие по стилю собора, могут оказаться в будущем неудовлетворительными в научном отношении". Таким образом, стилистическое единство памятника, считавшееся важным для реставрации во второй половине XIX в., признается необязательным и даже бессмысленным, так как "несколько не увеличивает археологического значения памятника, которое обуславливается только его древними частями"³. В другой ситуации, уже в 1888-1891 гг., при реставрации дворца царевича Дмитрия в Угличе, обладавшего в глазах современников прежде всего мемориально-сакральной ценностью (он связывался с именем св.Дмитрия Угличского, к 300-летию годовщины смерти которого была проведена реставрация), Н.В.Сулганов сознательно отступает от достоверности восстанавливаемой формы. Как известно, фундаменты каменного

лось и покраски собора после реставрации. Хотя первоначально "храм и не был оштукатурен", его должны были побелить, так как "восстановленные главы и починки будут резко отличаться от древней кладки" (там же, л. 130)

³ ЛОИА, ф. 1, ед. хр. 63, ч. 1, л. 11 об.



Создание стилистически од-
нородного ансамбля. Замена коло-
кольни ХУШ в. сооружением в фор-
мах, близких по времени к архитек-
туре храма:

а — церковь Иоанна Воина на Боже-
домке. Москва. Фото 1882 г. до
перестройки колокольни. ГНИМА,
фотоотека, кол. НД, печ. 141; б —
церковь Иоанна Воина. Проект пере-
стройки колокольни 1908 г. Южный
фасад. ГНИМА, фотоотека, кол. У,
печ. 13094

крыльца не были найдены⁴, и его было решено восстанавливать деревянным. Однако по практическим соображениям пошли на компромиссный вариант — каменное основание с деревянным верхом, что, как считалось, в принципе "непротивно характеру древности"⁵.

Тем не менее процесс ценностной переориентации все-таки происходил, и к концу XIX в. примеры нетрадиционного отношения к подлинности материала и достоверности формы встречаются все чаще. Прежде чем указать на черты расслоения синкретичности, остановимся на примерах характерного для второй половины XIX в. традиционного отношения к достоверности формы и подлинности материала. Оно одинаково проявлялось в обоих главных направлениях реставрационной деятельности: в "поддержании" (ремонт, консервация) и "возобновлении" (восстановление утраченного облика).

Работы по "поддержанию" культовых зданий и крепостных сооружений преследовали двоякую цель: с одной стороны, предохранить от разрушения, с другой — сохранить "древний вид" (т.е. "вид", дошедший ко времени "поддержания"). Объектом "поддержания" становится прежде всего форма, "внешность" сооружения — сохранение древнего облика не связывается с понятием материальной аутентичности. Подобный подход к сохранению формы проявлялся в отношении к ветхим, находившимся в угрожающем состоянии, частям здания. Их перекладывали заново с соблюдением "древнего вида".

Так, при реставрации Рождественского собора Суздаля в 1854 г. местная комиссия предложила из-за трещин на сводах и стенах сломать паперть и возвести ее заново. Департамент дел Главного управления путей сообщения и публичных зданий отверг это предложение и разрешил разбор только наиболее ветхих частей, но не из-за заботы о подлинности, а исключительно по экономическим соображениям⁶. Так же поступали и при реставрации крепостных сооружений: ветхие части стен, своды башенных перекрытий перекладывались заново.

⁴ Из архива Императорской Археологической комиссии. — В кн.: Известия Императорской Археологической комиссии. Выд. 26 (Вопросы реставрации. Вып. 1). — СПб.: 1908, с. 119, 120, 121

⁵ Там же, с. 115

⁶ ЦГИА, ф. 218, оп. 4, ед. хр. 517, л. 38 об.

Если при "поддержании" старательно сохранялся, выражаясь языком того времени, "древний вид", то при "возобновлении" так же тщательно реконструировался и обосновывался первоначальный облик. Все архивные дела второй половины XIX в., начиная с его 50-х годов проникнуты поиском подлинных древних форм, дающих достоверное представление о древнем облике. Причем это не было вызвано только добросовестностью исполнителей проекта. Результаты натурных изысканий становятся наиболее весомым аргументом⁷. Поиск деталей "первобытного вида" вызвал появление различных форм натурного исследования: делаются раскрытия на чердаках в поисках первоначального покрытия, отбивается штукатурка для отыскания первоначальных проемов, разбираются позднейшие полы с целью открыть цоколи храма, уничтожаются поздние пристройки для отыскания за их стенами фрагментов первоначального декора⁸. Судя по тому, что подобное разделение форм – восстанавливаемых на основе древних остатков и воссоздаваемых по аналогам – присутствует в текстах официальных записок, вопрос о подлинности был одним из проявлений более общих представлений эпохи об охране "древнего вида".

В работах по восстановлению первоначального облика присутствует то же отношение к материалу, что и в работах по поддержанию: ветхие части разбираются и выкладываются вновь. В записке 1860 г. к проекту возобновления Успенского собора во Владимире подчеркивается, что если будет решено восстанавливать собор в "настоящем виде" (т.е. вид до начала реставрации), то все разобранные по ветхости формы возводятся в прежнем состоянии, а если он будет восстанавливаться в "древнем виде" (в данном случае – первоначальный облик), то части, признанные поздними и разобранные, сооружаются по новому рисунку⁹.

⁷ См., например, дело о реставрации церкви Покрова на Нерли в 1858 г.: "так как . . . большею частью сохранились все древние украшения и детали, . . . разрешено было . . . возобновить в первобытном виде . . ." (ЛОИА, ф. 1, ед. хр. 73, л. 8)

⁸ ОРГПБ, ф. 1000, оп. 2, ед. хр. 643, л. 7 об. (1858 г.)

⁹ ЛОИА, ф. 21, ед. хр. 134, л. 1-1 об.

Безусловно важной и ценной на протяжении всей второй половины XIX в. была подлинность иконографии архитектуры. Доказанность формы была самодостаточной и не связывалась с подлинностью и истинностью материала. При всем внимании к форме при реставрации Рождественского собора во Владимире подлинность материала сама по себе не считалась существенной. Так, было два предложения по восстановлению собора: возводить его из камня или из кирпича, облицованного камнем. По экономическим соображениям был выбран второй вариант¹⁰. Примеров такой замены можно привести множество на протяжении всей второй половины XIX в. Подобие древней форме превращало и новый материал, из которого складывалось здание или деталь, в предмет древности.

В то же время первые шаги на пути к соединению ценности подлинной формы с ценностью подлинного материала были сделаны еще в 1850-е годы. Это можно проследить в методах поддержания крепостных сооружений, в требованиях заделки трещин, облицовки стен и их надстройки из материала памятника. Так, при укреплении стен крепости в Старой Ладоге в 1849 г. древние ворота "из плитного и булыжного камня. . . устроены взамен ветхих из кирпича"¹¹. В 1857 г. возникает требование "вывалившиеся камни заменить тем же материалом"¹². Таким образом, со второй половины XIX в. в некоторых случаях становится важным и подобие материала, входившее в понятие "оставление внешнего вида без изменений". С этим же указанием (не изменять древний вид церкви) была связана "подделка" старых обопревших стен церкви Вознесения в Коломенском из большемерного кирпича "из остатков старых стен с очисткою оного от извести"¹³. Обыкновенный же кирпич применялся в этой реставрации для выкладки малозаметных технических деталей¹⁴.

¹⁰ ЦГИА, ф. 217, оп. 2, ед. хр. 1065, л. 1-1 об. (5 марта 1859 г.)

¹¹ ЛГИА, ф. 1802, оп. 1, ед. хр. 46, л. 37 об. Может быть, даже без копирования форм разобранных ворот, аналогично тому, как традиционно возобновлялись храмы через приемственность посвящения престола и места

¹² Там же, л. 43 об.

¹³ ЦГИА, ф. 480, оп. 1, ед. хр. 1429, л. 1-2 (1866 г.)

¹⁴ В частности, для откосиков над карнизами для стока воды

Соединение ценности материала с ценностью иконографии должно было прежде всего произойти в памятниках, обладавших большой мемориально-сакральной ценностью, подлинная — и в отношении материала — форма которых становилась реликвией. Ценность подлинности реликвий осознавалась со времен средневековья. Во второй половине XIX в., например в 80-е годы, можно отметить случаи, когда подлинные реликвии переносились в новые художественные произведения. Так, подлинные древние царские врата из старой деревянной церкви в с. Монастырщина были перенесены в новую каменную церковь и включены в ее новый иконостас, созданный в стиле этих врат¹⁵. Древние царские врата были пожертвованы прихожанами церкви в Медведкове в новую дворцовую церковь великого князя Павла Александровича¹⁶.

Владимирский Успенский собор, к реставрации которого стали готовиться еще в начале 1880-х годов, был храмом уникальным в глазах современников и как святыня, и как памятник древнейшей русской архитектуры. Храм приобрел ценность подлинной реликвии. В литературе того времени, связанной с реставрацией собора, о нем писали как о "драгоценном памятнике священной . . . отечественной старины", его оценивали как "великий кивот Божией Матери, в котором почивает целое Великокняжеское поколение . . ." Современник пишет о задачах реставрации этого храма: "Пора, давно пора нам облачить в благолепие одеяние своего маститого и преисполненного . . . благодати старца . . ."¹⁷.

Его ценность определила и скрупулезность исследования, и осторожность в отношении к некоторым поздним наслоениям и к допустимости докомпоновки утраченного. Произошла дифферен-

¹⁵ ЦГАЛИ, ф. 2428, ед. хр. 39, гетр. 1, л. 13-16 (1884 г.)

¹⁶ Там же, гетр. III, л. 5 (1888 г.). Не менее характерна установка древней утвари "времен Алексея Михайловича" и иконы "древней византийской иконописи" в императорской ложе, сделанной к храмовому празднику лейб-гвардии конного полка "в строго выдержанном русском стиле 17-го столетия" (там же, гетр. 1, л. 17)

¹⁷ Кв. А.В.-ъ. Возобновление Владимирского Успенского собора. — Владимирские Епархиальные ведомости, 1887, № 24, с. 848-850

циация деталей, восстанавливаемых на основе других сохранившихся элементов и не воссоздаваемых по аналогам. Так, если капители колонок на западном фасаде собора и сами колонки должны восстанавливаться "по древним образцам, сохранившимся на южной стене"¹⁸, то детали оригинального характера, форма которых допускает значительную вариабельность, указано не восстанавливать во избежание произвольных докомпоновок, основанных на современном представлении о композиции¹⁹.

Так почитание подлинности, древности форм этого собора приводит к признанию ценности самого материала. Если в проекте его реставрации в 1860 г. предполагалось своды и главы, признанные ветхими, сломать и переложить заново, то теперь предлагается разборка только некоторых деталей, причем как крайняя мера²⁰. В указаниях, касающихся этой замены, говорится уже о ценности самой кладки: "Починка. . . должна быть сделана, сохраняя по возможности древнюю кладку; а именно: испорченные камни следует вынуть и заменить новыми, а где это полагается неудобным, выкрашивающиеся части камня подделывать штукатуркою"²¹.

Признание ценности первоначальной кладки само по себе свидетельствовало о том, что в общественном и профессиональном сознании изменяется отношение к памятникам древности. Соединение ценности подлинности формы с ценностью подлинного материала по существу означало признание неповторимости древней формы.

Среди реставрационных дел, относящихся ко времени проведения реставрации владимирского Успенского собора, встре-

¹⁸ ЦГИАМ, ф. 454, оп. 3, ед. хр. 22, л. 27

¹⁹ "Изображения голов человеческих и львиных по сторонам окон второго этажа сохранить в существующем виде, не приделывая для симметрии новых в тех местах, где они не существуют" (там же, л. 27)

²⁰ ". . . задача техников-реставраторов заключалась в том, чтобы оставить в полной сохранности все, что принадлежало первоначальной постройке, обновить новым материалом лишь то, что по ветхости уже само собою разрушилось. . . грозило разрушением еще твердым частям" (там же, л. 125 об.)

²¹ Там же, л. 31-31 об.

чаются примеры, показывающие, что в конце 1880-х годов в среде профессионалов-реставраторов стало утверждаться отношение к замене ветхих частей новыми как к крайней мере. В некоторых случаях возникали противоречия между представлениями архитекторов и заказчиков о методах реставрации. Показательны в этом отношении предложения по реставрации московского Архангельского собора, сделанные старостой этого храма в прошении 1889 г. к ИМАО. Староста предлагал сломать северный и южный пределы собора и "построить их вновь, не изменяя ни внутреннего, ни наружного их вида"²². ИМАО не разрешило сломку, велел ограничиться заменой "некоторых испорченных деталей в каменных рельефах новыми"²³. Для замены ветхих частей теперь требуются обоснования, доказывающие необходимость этой меры. Кроме того, оценивается и возможность точного воспроизведения.

Однако в 1880-е годы это не стало повсеместным и перекладка ветхих частей здания часто была приемлема и для непрофессионалов, и для реставраторов. Так, при реставрации собора в Микулине городище (1883-1886 гг.) было представлено два проекта реставрации. Один сделан простым каменщиком Световидовым, другой - Н.В.Султановым. Оба проекта, насколько можно судить по сохранившемуся описанию проекта Световидова и результатам реставрации Султанова, отличаясь во взгляде на первоначальную форму здания, предлагали одно: ветхие детали, грозящие разрушением и грудные для восстановления, разобрать и сложить вновь²⁴.

В признании неповторимости древней формы и материала лежали истоки разделения сакрально-мемориального и археологического воззрения на памятник. Это разделение могло произойти тогда, когда сооружение перестало бы оцениваться с позиций его целостности как художественного произведения. Тогда была бы признана неповторимость и подлинного, хотя и ушербного с позиций современных эстетических воззрений, облика храма. Однако реставрационная практика второй половины XIX в. не позволяет выстроить такую прямую эволюционную линию. Действительно, в 1880-е годы перекладка стен становится вынужденной мерой. И в эти же годы сформировалась позиция ИМАО и ИАК к спорным реконструкциям перво-

начального облика: профессиональные общества предпочитают оставлять неприкосновенным существующий облик сооружения, чем искажать его недостоверной реставрацией²⁵. Но это относилось к сооружениям, которые обладали определенной целостностью как церковное здание. Примеры же признания подлинных развалин более ценными, чем целостный облик здания, восстановленный на основе малодостоверной реконструкции, носили весьма эпизодический характер. Приведем некоторые из них. В 1876 г. в тексте высочайшего повеления о Богоявленской церкви в Остроге можно прочитать: поддерживать, "буде окажется возможным, оставшиеся еще развалины. . . и составить проект новой церкви на прилегающей к ним местности. . ."²⁶. Таким образом, "поддержание" развалин отделяется от возобновления их как храма: руины охраняются от вмешательства, а на престол нового храма, построенного на освященной временем, связанной со святыней, земле, переносится, по всей видимости, посвящение древнего Богоявленского собора. В 1870-е годы было еще распространено традиционное отношение к материалу, и вопрос о степени допустимости в некоторых случаях возвращения утраченного облика на практике не ставился. Не случайно указание 1876 г. не было выполнено и уже в 1881 г. в ТСК министерства внутренних дел поступило предложение ". . . вовсе разобрать. . . развалины и на прочных фундаментах соорудить новый храм в том же

²⁵ Например, ИМАО отказало на одном заседании в разрешении восстановить первоначальный облик собора в Микулине городище, так как Н.В.Султанов не представил на заседание общества результаты натурного обследования, подтверждавшие проект реставрации (ЦГАЛИ, ф. 2428, оп. 1, ед. хр. 75, л. 24 об). Характерен также текст резолюции ИАК (составленный Н.В.Котовым и Н.В.Султановым после осмотра церкви 20 августа 1895 г.) по поводу реставрации церкви Иоанна Предтечи в Толчкове: "Так как при . . . осмотре не обнаружилось точных данных для восстановления первоначального покрытия церкви, на основании которых можно было бы провести неопровержимо обоснованную реставрацию, то следовало бы оставить крышу в существующем виде. . ." (ЛОИА, ф. 1, ед. хр. 57, л. 56; ЦГИА, ф. 565, оп. 7, ед. хр. 29039, л. 14)

²⁶ ЛОИА, ф. 21, ед. хр. 134

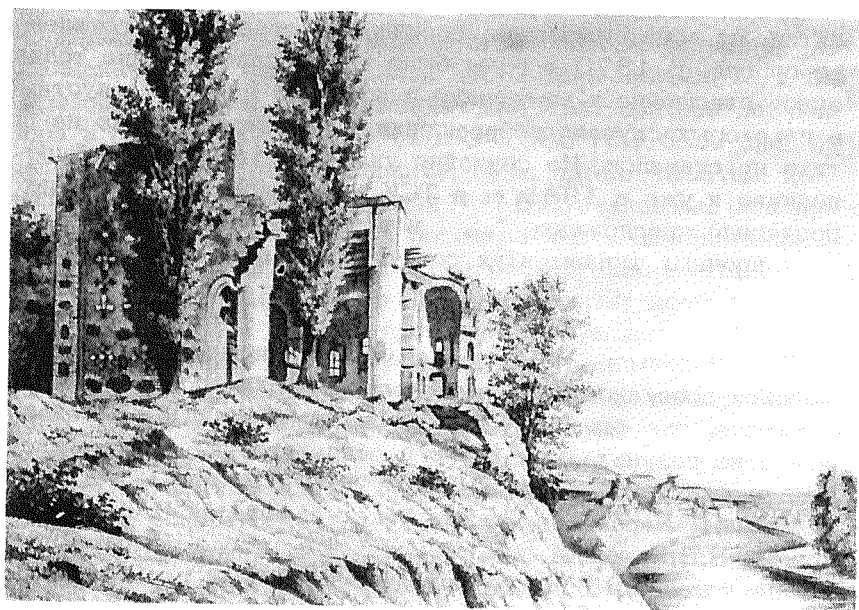
²² ЦГИАМ, ф. 454, оп. 3, ед. хр. 42, л. 2

²³ Там же, л. 3

²⁴ ЦГАЛИ, ф. 2428, оп. 1, ед. хр. 162

стиле и форме, в каких он был первоначально построен²⁷. В 1883 г. был составлен проект целостной реставрации, по которому храм и был восстановлен.

Другой пример интересен тем, что проект реставрации был осуществлен – восстановление церкви Бориса и Глеба (Коложской) в Гродно. Соотношение гипотетического и достоверного при ее реставрации заставило отказаться ради сохранения археологической ценности сооружения от восстановления целостности облика храма не только как художественного произведения, но и как типа сооружения. В 1894 г. на месте обрушившихся во второй половине XIX в. стен были поставлены деревянные стены и возведена крыша с деревянной главкой, а в алтаре был восстановлен престол во имя Бориса и Глеба²⁸. Ряд указаний в делах, связанных с этой реставрацией,



Церковь Бориса и Глеба (Коложская) в Гродно. Вид до реставрации 1894–1896 гг. Литография. Р. Кудрявцев. ГИМ ИЗО, 45870 Л-12007

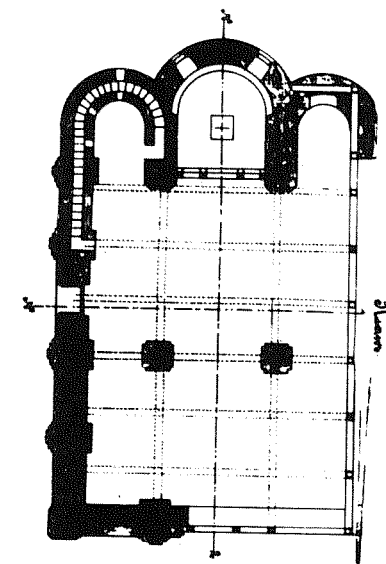
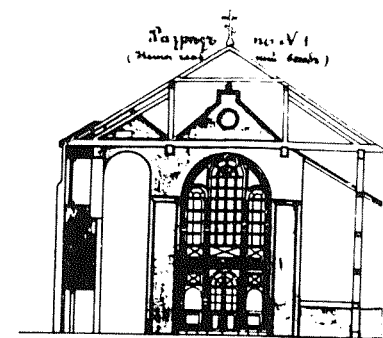
²⁷ ЛОИА, ф. 21, ед. хр. 134

²⁸ ЛОИА, ф. 1, ед. хр. 233, л. 1 об.

показывает, что произведенные работы не были простой консервацией руин, а представляли в некоторых деталях реставрацию на оптимальную дату, так как и деревянный притвор и глава с крестом были сделаны "того вида и той формы, как это было до обрушения здания"²⁹. В письме епископа Иосифа, курировавшего работы в храме, сказано, что "древние стены с колоннами внутри остаются, как и непременно должны оставаться, совершенно в том виде . . . , в каком стали в обрушке их и к времени произведенной названной охраны"³⁰. Последнее доказывает, что характер реставрации 1894 г. не был связан с отсутствием денежных средств, а научно обосновывался. Однако в 1899 г. вопрос о целостном восстановлении Коложской церкви был поднят генерал-губернатором и в ИАК были препровождены проект реставрации и сметы. ИАК пишет в ответе, направленном в ТСК министерства внутренних дел, "что она пришла к убеждению, что реставрировать Коложскую церковь . . . сколько-нибудь удовлетворительным образом невозможно ввиду полного отсутствия точного материала относительно первоначального вида Всякий проект . . . на основании аналогичных церквей неминуемо будет содержать долю производных построений и

²⁹ ЛОИА, ф. 1, ед. хр. 233, л. 11 об.

³⁰ Там же (22 августа 1896 г.)



Церковь Бориса и Глеба. "Проект устройства охраны здания . . ." 1894 г. Н.Романов. ЛОИА, ф. 1, ед. хр. 233, л. 15

искажит древний памятник. Поэтому ИАК предложила бы ограничиться произведенными уже ремонтными работами, вполне оберегающими сохранность остатков храма на продолжительное время"³¹.

Таким образом, в этой реставрации конца XIX в. произошло осознанное разделение задач архитектурно-археологического и церковно-археологического восстановления. Возобнов-



Церковь Бориса и Глеба. Проект целостной реставрации. 1900-е годы. ЛОИА, П-46955, 1309-4.

³¹ ЛОИА, ф. 1, ед.хр. 233, л. 53-53 об. (31 января 1900 г.)

ление древнего престола Бориса и Глеба не связано с восстановлением древнего вида храма. Однако подобное разделение произошло в основном только в профессиональном сознании. Общество в целом стало на эту позицию еще не могло. Поэтому опыт реставрации Коложской церкви не развивался в тенденцию, а остался на уровне явления. Показательно, что уже в 1904 г. в ИАК поступило письмо из хозяйственного управления при Святейшем синоде, в котором существующее положение церкви было найдено "не отвечающим важному историческому и церковно-археологическому значению этой православной святыни . . ." и было признано "необходимым произвести реставрацию . . . с возведением недостающих частей по образцу существующих"³²

СТАНОВЛЕНИЕ МЕТОДИКИ РЕСТАВРАЦИИ КРЕПОСТНЫХ СООРУЖЕНИЙ В XIX - НАЧАЛЕ XX вв.

Шенкова О.П., Скопин В.В.

О реставрации какого-либо объекта можно говорить лишь с того момента, с которого он осознается памятником. Значение памятников архитектуры всегда было многоаспектно, и часто трудно выявить, какой из аспектов – исторический, художественный или функциональный – повлиял на принятое реставрационное решение, определил методику реставрации. В начале XIX в. в русском обществе постепенно растет интерес к "памятникам древности". Одними из первых в разряд памятников входят древнерусские крепости.

Исторический материал, связанный с памятниками этого рода, позволяет с особой ясностью увидеть некоторые существенные черты в эволюции отношения к архитектурному наследию и в развитии реставрационной методики в XIX в., так как эти памятники и их особенности были важны для решения чисто реставрационных проблем. Во-первых, к концу XVIII столетия большинство крепостей лишается функциональной значимости. Их "бесполезность" дает возможность оценить отношение к исторической и эстетической ценности наследия, не осложненное функциональной значимостью памятников, характерной, например, для культовых сооружений. Не случайно

³² ЛОИА, ф. 1, ед. хр. 233, л. 54 об.

первое предложение по сохранению руин памятника крепостного зодчества (Годовиков, Свинозская башня Псковского кремля) намного опередило подобные проекты реставрации культовых сооружений (см. статью А. Баталова в настоящем сборнике). Сильная рушированность и потеря целостности художественного облика – вторая черта, отличавшая к началу XIX в. большинство древнерусских крепостей от памятников другого типа. Это заставляло решать вопрос о судьбе руин (об их восстановлении, консервации или разборке), а с определенного момента и более конкретный вопрос об их первоначальном виде. Третьей особенностью была яркая специфика их художественного облика, определявшаяся протяженностью сооружений и повторяемостью двух его основных элементов – стен и башен. Кажущееся однообразие элементов вместе с невозможностью зрительно воспринять сразу всю крепость накладывали свой отпечаток на формирование методики реставрации крепостных сооружений.

Среди многих факторов, которые оказали влияние на развитие методики реставрации памятников крепостного зодчества в XIX в., представляется продуктивным выделить и рассмотреть два – изменение отношения к памятникам этого рода и осознание их специфики – функциональной, конструктивной, художественной.

Естественно, что в крепостных сооружениях выявлялось, восстанавливалось и реставрировалось то, что в каждый момент отечественной истории считалось самым ценным. До конца XVIII в., пока крепости имели стратегическое значение, городские власти обязаны были поддерживать в порядке их физическое состояние и задачей регулярных ремонтов являлось сохранение их конструктивной целостности. Поэтому лицевые поверхности крепостных стен вычинивались, сильно разрушенные места перекладывались. Крупные ремонтные работы по крепостям были связаны с рядом войн во времена Петра I. По последнему слову военного искусства были возведены земляные редуты в Москве вокруг Китай-города, укреплены и перестроены со значительным изменением формы завершений стены Пскова, Смоленска и других важных стратегических пунктов. Однако к концу XVIII столетия, когда внешние границы Русского государства сильно раздвинулись, оборонительные сооружения его старых городов потеряли свое прямое назначение и стали быстро приходить в упадок: "во многих внутри России крепостях, кои починкою содержать не положено, и в ведомстве Канцелярии Главной Артиллерии и Фортификации не

состоят, деревянные и каменные башни и прочее так обветшали и обвалились, что мимо их и под ними ходить и ездить весьма опасно. . .", – говорится в указе 1759 г., позволявшем такие сооружения разбирать¹. Однако этот указ применялся не ко всем крепостям, поскольку sporadически уже возник интерес к воссозданию древних стен "в прежнем виде". Это могло быть связано с тем, что такие кремни, как Новгородский и Московский, рассматривались современниками целиком как своего рода "памятники древности". Исторической реликвией воспринималась вся совокупность старых сооружений – и соборы, и стены с башнями. Крепостные стены как часть памятника должны были поддерживаться и воссоздаваться.

В первой четверти XIX в. представление о ценности древних оборонных сооружений постепенно развивается и детализируется. В памятниках оборонного зодчества видели прежде всего историческую ценность, т.е. ценили стены и башни как "древние сооружения", затем – как свидетелей боевой славы. Например, в 1802 г. во время посещения Пскова Александр I высказал пожелание, "чтоб древние градские укрепления составляющие памятники мужества и любви ко благу отечественному наших предков – сохраняемы были – колько возможно от истребления насильственной рукою времени. . ."². В это же время постепенно начала открываться для общества красота древнерусских крепостей. В 1819 г. гражданский губернатор Новгорода докладывал в министерство внутренних дел, что "разобрать и уничтожить сию древность было бы весьма сожалительно. . .", в ответ на что министр признал нужным поддержание починкою крепости "как памятника древности, придающего величественный вид Новгороду"³. Оценка "величественный вид" еще неразрывна с критерием "древности" – представление о ценности наследия в это время еще синкретично.

Более четкое разделение аспектов ценности памятников оборонного зодчества мы находим в докладной Астраханского военного губернатора, который в 1838 г. писал в Петербург: "Кремль, существующий в Астрахани со времен. . . царя

1) ПСЗ (1), т. XVI, № 10705, с. 742–743

2) ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 1, ед. хр. 3667, л. 3

3) ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, ед. хр. 180, л. 570

Иоанна 1У, заслуживает особенного внимания правительства в следующих отношениях: в археологическом как памятник древности, в военном как крепость и в архитектурном как лучшее украшение города, находящееся в самом центре оно. . ."⁴. Сходная мысль прозвучала несколько ранее в обращении гульского гражданского губернатора Б.Баклычева в министерство внутренних дел. В качестве важной причины, по которой нужно сохранить гульский кремль, он назвал "приличность самого здания сего по его местоположению. Она (крепость) означает центр лучшей части города, к коему стекаются лучами лучшие правильные улицы, наподобие как к Адмиралтейству в Петербурге"⁵. Подобное понимание ценности крепостных сооружений в начале XIX в. встречалось, однако, не слишком часто, особенно среди городских администраторов. Так, главнокомандующий экспедицией кремлевского строения П.Валуев в 1816 г. при личном осмотре китай-городской стены и башен не нашел в них ничего "ни древнего, ни редкого, кроме совершенной ветхости и безобразия. . ."⁶, а московский генерал-губернатор Голицын в 1830 г. для оправдания необходимости сноса этих стен (вопреки царскому указу "поддерживать в ея целости нужными починками. . ."⁷) ссылается на опыт иностранных государств, в которых "в случае совершенной сих зданий ветхости, делающей неприличие или требование на поддержание их значительных издержек. . .", происходил их полный или частичный снос⁸. Представители военного министерства предлагали в 1816 г. снести смоленскую крепость потому, что "инженерной команды там не состоит и никаких казенных инженерного ведомства строений не имеется"⁹, а в 1860-е годы потому, что по своему ветхому состоянию она представляла опасность для местных жителей¹⁰.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 218, оп. 4, отд. 5, ст. 2, ед. хр. 1, л. 27

⁵ ЦГИА СССР, ф. 1285, оп. 8, ед. хр. 1694, л. 17

⁶ ЦГИА СССР, ф. 1285, оп. 8, ед. хр. 566, л. 119

⁷ ПСЗ (1), т. XXVШ, № 21875, с. 1180-1181

⁸ ЦГИА СССР, ф. 1409, сп. 2, ед. хр. 5443, л. 5

⁹ ЦГВИА СССР, ф. 827, сп. 1, ед. хр. 362, л. 4-4 об.

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, ст. 475, ед. хр. 3275, л. 48-57 об.

Постепенное изменение представлений о ценности крепостных сооружений от более синкретичных к более дифференцированным, от внимания к исключительно историческим чертам к пониманию эстетических качеств в основном отвечало общему ходу изменений отношения общества к наследию. В то же время настойчивое стремление многих градоначальников снести крепостные сооружения было одной из реакций на "бесполезность" памятников этого рода.

В методах подхода к сохранению и восстановлению крепостей и других видов наследия прослеживаются общие черты. При общей хорошей сохранности памятников сильно разрушенные детали вычинивались с повторением их в прежнем виде. Так, в 1802 г. подрядчик обязался на Спасской башне Московского кремля пробить заново фундаменты башни, заделать трещины в стенах, обделать оконные проемы, выстлать заново полы и лестницы, т.е. произвести обычный ремонт с заменой разрушившейся кладки новой. Однако в верхних частях здания, например на 7-м этаже, предусматривалось: "арки же ветхие переделать вновь в точности прежнего вида. . . впереди в 8 пролетах мерою по 16 аршин парапета наглухо заделать противу старого с вывескою прежнего вида решеткою снаружи из белого камня"¹¹. На 9-м этаже: "ветхие орнаменты снять и сделать вновь в точности противу прежнего вида, камень употребить такой же величины противу прежнего"¹². Подрядчик по указанию архитектора И.Егорова обязался не только технически укрепить кладку, но и сохранить в точности "прежний вид" декоративных частей памятника. Если внешний облик Спасской башни вызывал повышенный интерес и требовал сохранения репрезентативности центрального здания ансамбля, то лишённые особых архитектурных "загей" прясли стен обычно перелицовывались от фундамента до завершения, сохраняя в целом "древнюю" форму, но видоизменяясь в деталях.

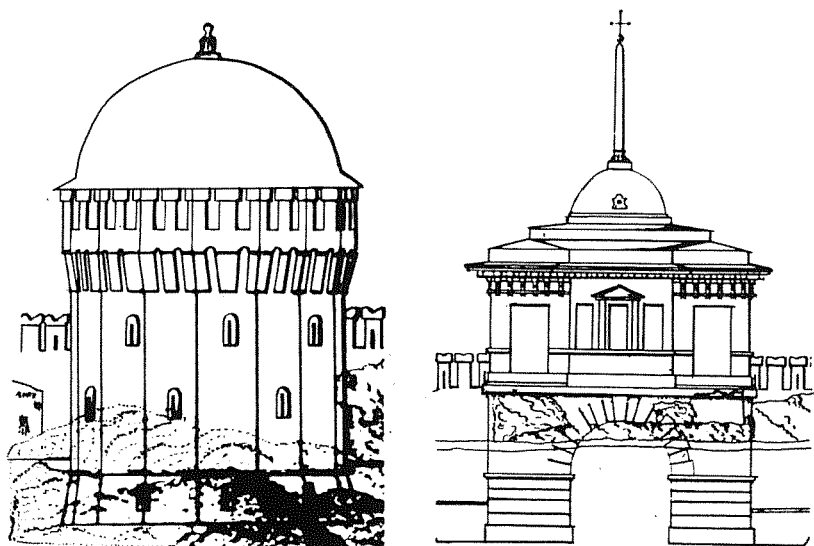
Однако для начала XIX в. столь же характерным было и введение при реставрации древних сооружений современных архитектурных мотивов, прежде всего классицистических. Так, в 1816 г. инженер-подполковник К.Сусалин предложил часть круглых башен Смоленской крепости завершить куполами вместо существовавших ветхих шагров, а профессор Академии Ху-

¹¹ ЦГИА СССР, ф. 1239, оп. 3, ед. хр. 29451, л. 4-41

¹² Там же, л. 31

дожеств К.Тон в 1837 г. спроектировал наверху Смердзей башни г.Пскова высокий бельведер, увенчанный шпилем¹³. Примерно в то же время распространяется идея введения "готических" мотивов, которые, как считалось, подчеркивали древность и национальную самобытность древнерусских памятников. Характерны в этом отношении проекты восстановления Воскресенских и Ильинских ворот Китай-города архит. Бакирева, завершение Одоевской башни Тульского кремля и др.

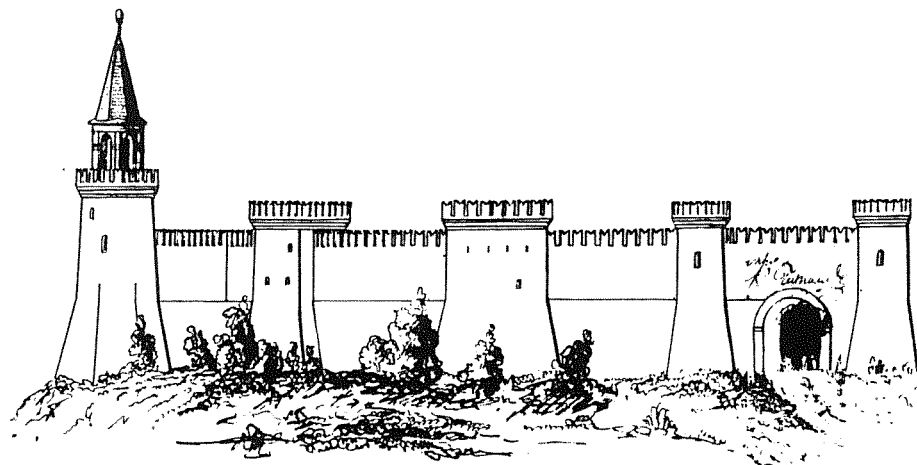
Даже если не предполагалось таких кардинальных изменений памятника, сохранение "древнего вида" в XIX в., особенно в первой его половине, не связывалось с достоверным выявлением подлинных прежних форм. Причем нередко предлагалось "древнее сооружение, близкое к разрушению, сломать до основания и построить новое"¹⁴. Новгородский кремль, Астраханские башни, Свинозская и другие башни Псковского кремля – далеко не все примеры. При строительстве новых



Детали проекта 1813 г. восстановления башен Смоленской крепости. Инж. К.Сусалин, ЦГВИА

¹³ ЦГИА СССР, ф. 789, оп. 20 (Оленин), № 55, л. 1-23; ЦГИА СССР, ф. 218, оп. 3, ед. хр. 50

¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, ед. хр. 180, л. 566 об.



Проект Ильинских ворот Китай-города пер. пол. XIX в. Арх. А.Бакарев. ГИМ

сооружений вместо сломанных для удешевления стоимости работ допускались изменения не только внешнего вида, но и габаритов сооружения. Так, в 1828 г. был произведен опыт исправления китая-городской стены "с уменьшением толщины ее, уничтожением бывшего на ней хода и парапета и сделанием контрафорсов"¹⁵. По несколько раз в управлении путей сообщения и публичных зданий приходилось возвращаться к рассмотрению предлагаемых фасадов башен, возводимых от фундамента, пока эксперты не признавали, что "изображенный на чертеже фасад имеет должную благовидность и как сохраняющий прежний вид башен и стены может быть одобрен"¹⁶. При этом мало обращалось внимания на основании каких источников разрабатывались эти проекты. Потом, во второй половине XIX в., приходилось признавать, что "высочайше утвержденный проект . . . составлен был гадательно, без всяких данных относительно бывшего древнего их (ворот) вида"¹⁷. И достоянием второй половины XIX в. был отказ от вос-

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 2, ед. хр. 5443, л. 3

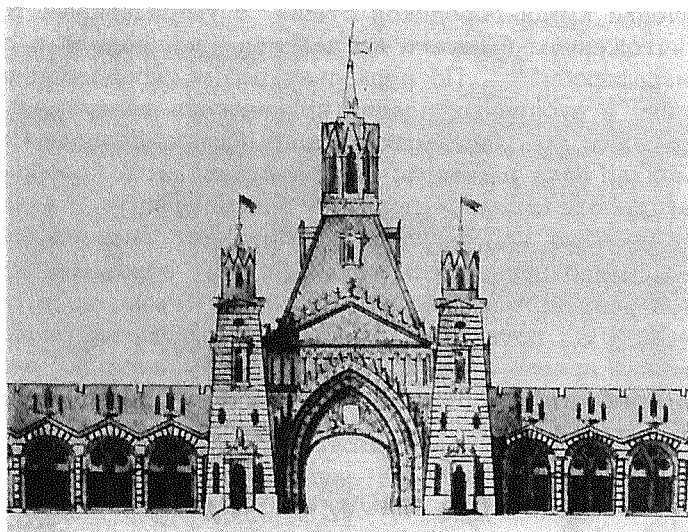
¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 218, оп. 3, ед. хр. 50, л. 8 об., 9, 9 об.

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 54, ед. хр. 1, ч. 1, л. 445

становления тех частей памятника, для которых исходных данных не сохранилось. Так, по проекту Годовикова Свинузскую башню, разрушенную в 1581 г. при осаде Пскова королем Баторием, не предлагалось восстанавливать, так как она не была показана на фиксационном чертеже 1748 г., а предлагалось "оставить лишь основание ее в настоящем виде, с постановкою на нем гранитного пьедестала под чугунный крест, в память погибших при осаде. . ."¹⁸

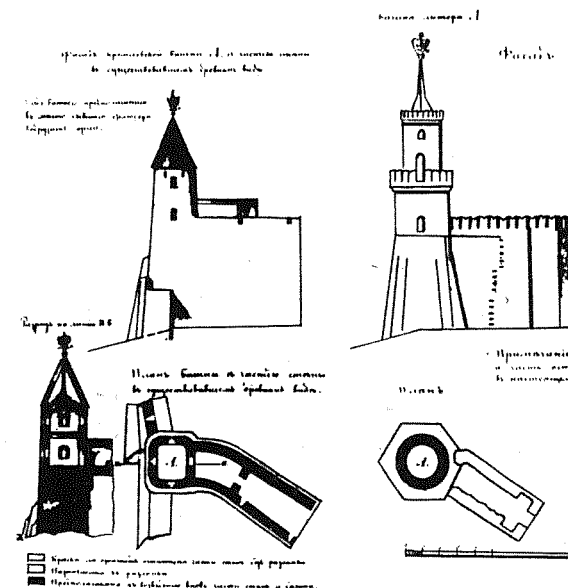
Характер намечавшихся по памятникам реставрационных работ не был однороден и зависел во многом от индивидуальных особенностей сооружения: его размеров, материала, техники строительства, стоимости, времени последнего ремонта и пр. По большинству крепостей годами шла переписка о необходимости, порядке и стоимости работ, лишь спустя десятилетия завершавшаяся незначительными восстановительными мероприятиями.

В первой половине XIX в. для предложений по воссозданию крепостных сооружений было характерно следующее: признавая их историческую ценность, сохранить и реставрировать только фрагмент, чаще всего отдельные башни или ворота. В



Проект восстановления Псковского кремля
1840 г. К.Тона

¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 54, ед.хр. 1, ч. 1, л. 449-450



"Изменительный проект" восстановления Псковского кремля. 1863. Инж. И.Годовиков. ЦГВИА СССР

1816 г. военный генерал-губернатор Тормасов предлагал стены Китай-города разобрать и "... оставить без сломки башни и ворота, где есть святые иконы, дабы оные могли оставаться на вечные времена памятниками древнего устройства Московской столицы. . ."¹⁹

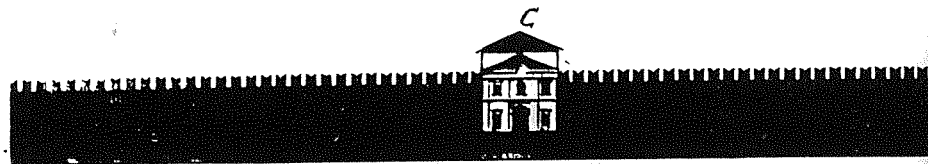
В 1847 г. архитектор Никитин от Коломенской крепости предлагал оставить как памятник древности одну башню со въезда из Москвы и Пятницкие ворота, а прочее разобрать²⁰. И в середине века почти такой же проект выдвигает смоленский губернатор, который просит "... разрешить мне разобрать все те стены города, которые угрожают разрушением, а материалы передать в пользу города. Памятниками старины и славных исторических событий, совершившихся вокруг города, останутся древние башни, в числе 12, доселе хорошо сохранившиеся, и часть стены, идущая за домом губернагора, еще довольно прочная"²¹.

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 2, ед. хр. 5443, л. 2

²⁰ ЦГИАМ СССР, ф. 16, оп. 11, ед. хр. 741, л. 45

²¹ ЦГИА СССР, ф. 218, оп. 3, ед. хр. 528, л. 425 об.

Восстановление
П. Н. *Покровский*



В этих просьбах московскому и смоленскому губернаторам было отказано, но настойчивость самих предложений и проектов свидетельствует о том, как трудно было в полуразвалившихся остатках укреплений увидеть красоту и историческую ценность крепости в целом. Кроме того, это свидетельствует, видимо, о приоритете в восприятии содержательного начала над формально-композиционным. Не случайно тщательная вычинка с сохранением прежних форм производилась на Спасской башне – наиболее почитаемых воротах главной крепости страны, которыми проходить можно было только сняв шапку, а от смоленской и китай-городской стен предлагалось сохранять наиболее важные в прошлом элементы – воротные башни, которые и в XIX в. оставались семантически важными пунктами и продолжали освящаться иконами и часовнями (на месте предлагавшейся в 1830 г. к сносу Варварской башни Китай-города планировалось поставить часовню)²².

К концу XIX в. в среде профессиональных архитекторов складывается понимание необходимости сохранять крепостное сооружение целиком как единый исторический и художественный памятник. Наиболее четко это выразил П.П.Покровский в начале XX в. в своем заключении о состоянии смоленских крепостных стен: "Нельзя отдавать предпочтение в живописности и красоте той или иной части Смоленской стены. Все,

²² ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 2, ед. хр. 5443, л. 3 об.

Город Древний



Проект восстановления древней Новгородской стены
1837 г. ЦГВИА

что от нее уцелело (16 башен и 33 прясла), чарует своим величием среди зелени Смоленских холмов и садов на фоне мягких полей Днепровской долины"²³.

Плохая сохранность подавляющего большинства крепостных сооружений, порожденная их практической бесполезностью, приводила к тому, что представление об их изначальном виде было весьма туманным. Задача же, ставившаяся перед архитекторами, как правило, формулировалась следующим образом: вернуть памятнику "первобытный", "древний", "прежний" вид. В начале XIX в. разрыв между знаниями и требованиями заказа вряд ли ясно осознавался и задача решалась введением в проекты перестроек классицистических и готических мотивов. Но уже в 40-х годах прочитывается стремление оперировать формами, действительно присущими древнерусской архитектуре. Для их воссоздания возникает весьма непростая для крепостных сооружений проблема аналогов. Практически единственной хорошо сохранившейся крепостью был Московский Кремль, который чаще всего и становится аналогом, особенно для восстановления завершений стен. "Ластичкины хвосты" проектируются на стенах Новгорода, Пскова, Тулы, Коломны и др. Частично эти проекты воплотились в натуре.

В 1848 г. по приказу генерал-губернатора Голицына на

²³ Известия ИАК, вып. 12. Вопросы реставрации. – СПб.: 1909, с. 20

китай-городской стене вместо обветшавших мерлонов были сделаны зубцы "на манер Кремлевских"; на части каменных плитняковых стен Пскова в 1862 г. были "восстановлены", а затем в 1864 г. уничтожены кирпичные зубцы. К концу XIX в. круг аналогов несколько расширяется – в частности, башня Варварских ворот Китай-города послужила образцом для реставрации Дмитровской башни Нижегородского кремля и Богородской башни Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле²⁴.

Однако привлечение архитектурных форм этого памятника для воссоздания утраченных завершений сооружений, весьма различающихся по географии и времени возведения, свидетельствует об узости круга доступных образцов. Поэтому неслучайно обращение архитекторов к формам самой реставрируемой крепости как к аналогу для восстановления утраченных частей.

В первой половине XIX в. господствовало представление об идентичности различных башен, прясел и деталей одного сооружения. В проектах того времени формы и детали одной башни спокойно применялись при реставрации другой, а для восстановления всех прясел крепости разрабатывался проект одного куска стены. Реализация таких проектов в середине XIX в. нередко приводила к искажению памятника. К концу столетия ошибочность такой практики стала очевидной.

П.П.Покрышкин писал в 1909 г., что для реставрации Смоленской крепости "... совершенно необходимы точные исполнительские чертежи каждого прясла и башни в отдельности. При этом никакие обобщения недопустимы: в Смоленской крепости нет ни одной амбразуры, похожей одна на другую по размерам, не говоря уже о различиях в толщине, высоте и длине различных прясел. Отсутствие чертежей сказалось на уничтожении и искажении ремонтом многих деталей"²⁵. Только испытание проделанных работ временем, считает он, позволило сделать выводы о недостатках тех или иных приемов ремонта данного древнего сооружения. Такой вывод был во многом связан с практикой XIX в. восстанавливать крепостные сооружения по частям: недостаток средств

²⁴ Современный облик памятников прошлого. М.: 1983, с. 123

²⁵ Известия ИАК, вып. 32(4). – СПб.: 1909, с. 22

заставлял заниматься либо самыми ветхими, либо самыми важными фрагментами крепости.

При работах по реставрации Серпуховского кремля в 1852–1853 гг. наиболее наклонившаяся часть стены была разобрана до основания, а затем восстановлена из старого материала; другие прясла были только укреплены контрфорсами; сильно разрушенные участки стен были просто уничтожены. Псковский, Коломенский, Смоленский и другие кремли во второй половине XIX в. также были реставрированы фрагментарно. Эта практика имела свои положительные и отрицательные стороны: сопоставление сохранившихся нетронутыми подлинных участков стен и башен с отреставрированными в конце XIX – начале XX вв. позволило лучше увидеть недостатки предыдущих работ. Особенно четко такое сопоставление демонстрировало слабость унифицированного подхода к восстановлению архитектурных форм древнерусских крепостей.

Фрагментарный ремонт оказался своего рода школой, которая вывела реставрационную методику на принципиально новый уровень к моменту комплексного восстановления таких кремлей, как Смоленский, Коломенский и, конечно, Московский. Постепенно тщательное исследование древних форм здания и попытка восстановить их на основании натурных данных становились основными мотивами деятельности реставраторов.

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ПРЕЕМСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Ф.И.БУСЛАЕВА 1860–1870-х гг.

Рыцарев К.В.

Девятнадцатый век в истории русской культуры отмечен активной борьбой различных, подчас противоположных по направленности течений. Одним из важных вопросов, обсуждавшихся с 30-х годов, был вопрос о преемственности в развитии культуры и общества в целом. Особое значение этот вопрос приобрел в пореформенную эпоху. Если представители консервативного направления рассматривали преемственность как основу для сохранения сложившейся социальной ситуации, то революционные демократы, ориентируясь на коренное изменение существующего государственного порядка, чаще всего отрицательно относились к идее преемственности, что

в крайнем своем выражении порождало нигилистические на- строения. Значительная часть русской интеллигенции занимала, как известно, промежуточное положение между названными направлениями. Она опасалась радикальности левого движения и не могла не видеть известной слабости его культурной про- граммы, прежде всего – в решении проблем преемственности¹.

К этой интеллигенции принадлежали многие деятели рус- ской культуры, внесшие существенный вклад в ее развитие. Для нас особый интерес представляет фигура Федора Ивановича Буслаева – выдающегося филолога и историка средне- векового искусства, который способствовал утверждению на русской почве реалистического воззрения на значение "преда- ния"² в развитии художественной культуры. Симптоматично, что в 60-х годах происходит переориентация научных интере- сов ученого. Развертывается его активная исследовательская,

¹ О тенденции отречения от прошлого Ф.И.Буслаев писал: "Самолюбие голпы вполне удовлетворялось, когда оправдывали ее неведение и неразвитость вкуса, когда ниспровергали то, чего она и так не знала и до чего не имела никакого дела, и когда ей доказывали, что все прошедшее в искусстве уже утратило для нашей современности свою цену, что художник должен забыть все старые предрассудки и прислушиваться только к раздающимся около него голосам действительности. . . Нет доктрины более заманчивой, как та, которая лелеет со- временное самолюбие и убеждает в возможности, даже в не- обходимости отрешиться от всего прошедшего" (Ф.И.Буслаев. Задачи современной эстетической критики. – В кн.: Мои досу- ги. – М.: 1886, ч. 1, с. 299).

² В словаре Буслаева слово "предание" имеет специфи- ческое концептуальное наполнение: предание – это основания и принципы конкретной исторической или региональной куль- туры, определяющие преемственность ее развития. Так, мы читаем: "Новое искусство возникло в унаследованных им фор- мах античного предания" (формы – "символический идеализм", "живописная наглядность" и т.п.); "Праотеческое предание ан- гличной цивилизации" давало национальное единство народам Италии. Реализм средневекового искусства имеет своим ис- точником "художественное предание, идущее еще из античного мира, через посредство стиля древнехристианского и визан- тийского" (там же, с. 316)

организационная и публицистическая деятельность с целью по- мочь русскому образованному обществу, склонявшемуся к ни- гилизму или позитивистскому равнодушию к традиционной культуре и традиционной духовной жизни, "войти в практиче- ские, жизненные отношения к монументальной старине"³.

Прежде всего ученый настаивал на том, что реальный кон- такт с "национальным преданием" возможен в условиях разви- тия, свободного от регламентации и принуждения, и в рефор- мах нового царствования видел освобождение как от нега- тивных традиций прошлого ("татарщины", "московщины", "петровщины"), так и от нигилизма радикалов. Начинается длительная и систематическая борьба против "тех ложных и

³ В связи с обвинением со стороны "Современника" в регроградстве и "византизме", содержащимся в анонимной статье "Наши новые благодетели", в письме В.В.Стасову от 3 августа 1863 г. Буслаев писал: "Вы в Питере слишком разобщены с потребностями народа и можете смотреть свысо- ка и отвлеченно на то, что перед нами ежедневно проходит всочию. Возобновление храмов и освящение их – это один из самых видных фактов в московской жизни. А посмотрели бы вы, сколько почтенных бородачей собирается в Московском музее кругом снимков с икон и миниатюр! – Требуется ли все это отдать в ломку и выбросить на задний двор? И для каких потреб? Да и возможно ли это сделать? Хорошо прать против рожна с орудием более сильным, а где его взять". И в следующем письме, от 8 августа: "Слава Богу, что у нас успели взяться за ум, когда не иссякли все национальные на- ши предания. Теперь они не погибнут, и нам не нужно хлопо- тать о реставрации христианского искусства, как хлопочут об- щества во Франции. Чья бы статья ни была в "Современнике", она идет об руку с Академией Художеств, которая пришла в- ваяшее негодование от моего извещения об иконописном брат- стве, и эта солидарность "Современника" с Академией особен- но льстит всей нашей братии. . . Если бы на Руси возможно было иконоборство, то оно обратилось бы только на академи- ческую нашу живопись, если бы она продолжала упорствовать в своем невежественном раболепии перед хвостами запад- ной цивилизации. Гвидо Рени хорош у себя в Болонии, но ст- вратителен в малеваньи Бруни и К^о" (Из переписки деятелей Академии наук. – Л.: 1925, с. 24-25)

равно вредных крайностей, которые объясняются крайним неведением или своего, или чужого"⁴.

Академические занятия Буслаева (сравнительное изучение русского лицевого апокалипсиса) имели злободневную подоплеку: изыскания в области апокалиптической иконографии должны были прояснить истоки национальной традиции, ее первоначала, условия и характер ее развития в контексте общеевропейской, (как западно-, так и восточноевропейской) эволюции⁵.

Осуществление замысла потребовало постоянных контактов с западноевропейскими учеными и ознакомления с архивами. И параллельно с работой над основным трудом, вне программы, стихийно, под действием "злобы дня", возник цикл путевых очерков о старинных городах Европы (Италии и Германии). "Досуние" по выражению ученого, опыты составили законченный тематический цикл, включивший такие корреспонденции и очерки, как "Шестисотлетний юбилей Данта Аллигьери" (1864 г.), "Из Флоренции" (1864 г.), "Из Бургдорфа" (1870 г.), "Из Рима" (1875 г.), "Из Бамберга" (1880 г.), "Из путевых замечок. Регенсбург" (1880 г.). Эти корреспонденции о судьбе западноевропейской городской культуры (в частности, архитектуры) предназначались для широкой публики и печатались в основном в "Московских ведомостях" и "Русском вестнике" – периодических изданиях центристской ориентации, пользовавшихся значительной популярностью у русской читающей публики.

Сквозная тема корреспонденций – судьба архитектуры и в целом городской культуры Запада под натиском современных начал материалистической, промышленной цивилизации. Позиция Буслаева – не позиция стороннего наблюдателя, и европей-

⁴ Буслаев Ф.И. История русской литературы. – М.: 1906, вып. 3, с. 298

⁵ В октябре 1883 г. по завершении монографии о лицевом апокалипсисе ученый писал А.Н.Пышину: "Я даже полагаю, что мысль о достоинствах и недостатках нашей национальной старины, о богатых ее задатках и жалком коснении и разложении, и вместе с тем об исторической необходимости обновления старой Руси реформами, нигде еще не была высказана так наглядно и подробно, как в этой монографии" (из переписки деятелей Академии наук. – Л.: 1925, с. 20)

ская городская старина – не чужая для него цивилизация: свои "годы странствий" "Wanderjahre" молодой выпускник Московского университета провел в Италии и считал Рим своей духовной родиной⁶. И в очерках сохраняется эта личная заинтересованность, озабоченность судьбой европейской культуры.

Буслаев не верит во враждебность современности культуре прошлого. Тема связи наследия и современности в остро публицистической форме раскрывается в корреспонденциях из Италии, посвященных празднованию шестисотлетия Данте. Юбилей совпал с великими событиями середины века – освобождением от австрийского ига, объединением Италии, лишением пап светской власти. Во вразумление нигилистически настроенным соотечественникам русский ученый наглядно демонстрирует реальное участие наследия (поэзии и судьбы Данте) в актуальной политической борьбе текущего века. Комментарий к "Божественной комедии" стал прокламацией, формой антиавстрийской и антипапистской агитации. Политические страсти великого флорентийца сливались со "злобой дня", политической реальностью середины века. Более того, шестисотлетний юбилей не был культурным мероприятием, организованным сверху, – Италия покрылась памятниками Данте "как монументальным выражением восторженной мысли о наступлении настоящего (выделено Ф.Буслаевым. – К.Р.) Дантовского века"⁷. Для итальянца великие события 60-х годов XIX в. были осуществлением пророчества Данте, реализацией его политической программы. Муниципальный совет Флоренции в резолюции о праздновании юбилея Данте писал: "Новые времена, предреченные великим поэтом, наступили. . ." ⁸. Данте – певец нового европейского человечества. Год юбилея предчувствовался как роковая дата катастрофы, которая освободит Венецию от австрийцев и изменит статус Римской области.

Это поразительно полное слияние истории и современности как бы открывает человечеству возможность реально прикоснуться к обоим концам шестисотлетней цепи, реально пребывать в двух измерениях – прошлом и настоящем. И речь

⁶ Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. – М.: 1897, с. 297

⁷ Буслаев Ф.И. Мои досуги. – М.: 1886, ч. 1, с. 219

⁸ Там же, с. 220

идет не о воспоминании, а о реальной, живой связи времен, о раскрытии сущности культуры как явления монументального. Буслаев так пишет об Италии 1864 г.: "Италия времен Данте в своем развитии настолько была выше всех прочих наций, что во многом может удовлетворять понятиям и вкусам нашего времени, и, во-вторых, жалкое политическое состояние новой Италии в общих чертах сходствовало с Италией времен Данте, так что действительно и теперь еще не совсем сокрушены те враги Италии, которых проклинал великий флорентинец. И теперь, как тогда, та же симония, та же продажа Даров Святого Духа в Риме; и теперь, как тогда, то же покровительство Франции престолу римских первосвященников; и теперь, как тогда, те же Гвельфы и Гиббеллины, только под другими именами — партии клерикалов и партии Виктора-Эммануила"⁹.

Время Данте еще присутствует, еще включено в реальность итальянской жизни: многовековой спор между Равенной и Флоренцией за прах Данте завершается самим фактом объединения страны. В объединенной Италии становится бессмысленным спор о месте погребения итальянского поэта. Прах Данте остается в Равенне как символ единства страны.

Бесстрастный, ровный повествовательный тон Буслаева не изменяется и тогда, когда автор напоминает о широко распространенном в "век прогресса" убеждении об устарелости и непонятности массе "богослова" Данте: "В недавнее время пушена была в ход мысль о том, будто бы Данте никогда не пользовался популярностью в Италии, потому что он был не более, как богослов, а богословие не могло быть понятно и привлекательно народу. Это мнение, пушенное поверхностными историками и плохими знатоками средневековой истории вообще и Италии в особенности . . . Было время, и особенно в Италии, когда богословие, низведенное для народа в проповеди, было самою насущною потребностью народа, и преимущественно во времена Данте, когда Доминиканцы боролись с ережниками, а Францисканцы были друзьями всех неимущих и обремененных"¹⁰.

Это вразумляющий урок юбилея Данте помогает по-новому взглянуть на повседневную жизнь горожанина. Прошлое, средневековое прошлое — насущный элемент повседневной жизни:

итальянца, монументальность — одна из основных составляющих его окружения. Буслаев так пишет об итальянском простолюдине: ". . . в его минутных увлечениях непреложные законы времени останавливаются в своих действиях, и он так же легко переносится за 600 лет в прошлое, как вдвигает в свои настоящие интересы интересы далекой старины. И его воображению помогает вся художественная обстановка его жизни, сложившаяся из целого ряда вековых преданий, которые словно получили право вечности в монументальных украшениях церквей, улиц, площадей. . . Памятники прошлого имеют для него не только смысл предания, но и насущный элемент его текущей, будничной жизни, в которую целиком врывается все ее прошлое"¹¹.

Здесь впервые в русской прессе отмечается характерная особенность городской средневековой культуры — слияние изустного предания и архитектурного памятника. Для итальянца памятник не существует обособленно; без этого и вне этого синтеза легенды (или истории) и камня невозможна повседневная жизнь итальянского простолюдина. Памятник рассматривается не как реликвия культуры, предназначенная любознательности туриста, а как необходимый элемент повседневной жизни горожанина.

К этой теме ученый возвращается через 15 лет в очерке о Регенсбурге. Монументальное единство города поддерживается не только "римским элементом" (строения города покоятся на античных фундаментах). Это результат слияния предания и камня. Если в Италии это единство обнаруживается и живет на уровне будничных забот и повседневных событий, то в Регенсбурге, древнейшем городе Германии, это единство приобретает символическое значение и эпический масштаб. "Каждое здание города, — пишет Буслаев, — подвергаясь историческим переворотам, выработало наконец свой маститый характер, с резкими очертаниями физиономий, как это бывает на старческих лицах, и с богатым по содержанию прошлым, о котором говорят и самые камни, а еще более устные предания и сказания, переполненные такими же анахронизмами, как и все эти башни, церкви и монастыри, мосты и стены, о которых они повествуют. В этом отношении весь Регенсбург даже со своими самыми поздними постройками, представляется

⁹ Буслаев Ф.И. Мои досуги. — М.: 1886, ч. 1, с. 224

¹⁰ Там же, с. 226

¹¹ Буслаев Ф.И. Мои досуги. — М.: 1886, ч. 1, с. 217

мне какую-то народную поэмою, вроде Илиады, Нибелунгов или наших былин и духовных стихов, в которой так гармонически слились в одно художественное целое это не разрешимое ученым анализом сочетание разнообразных и разновременных элементов, старины и новизны, древнейших преданий и новых выдумок, исторической правды и легенды, которая как плющ обвивает с своею вечно неувядаемой листвою и развалины и возникающие из них новые сооружения, в свою очередь разрушающиеся и опять возобновляющиеся¹².

Регенсбург – символ единства Германии, ее исторической судьбы – демонстрирует (и это подчеркивается русским ученым) единство не только предания и памятника, составляющего основу коллективного сознания и коллективной памяти (употребляя современное выражение). Он являет единство, неразложимость на составные элементы различных эпох и различных стилей. "Эта многовековая и многонародная сложность" сообщает городу его глубокий характер. Он нерасчленим: и старина, и новизна оказываются равно ценными, равно необходимыми друг другу. Буслаев продолжает тему: "Вместе с веками и поколениями основывались и разрушались, перестраивались и возобновлялись его здания,нося на себе слои разных времен и всевозможных стилей, начиная от классического римского и древнехристианского, потом переходя к раннему романскому IX и X столетиям, затем к германскому или чудовищно-звериному англо-саксонскому и ирландскому и, наконец, уже возобновляясь в стиле готическом XIII и XIV столетий и т.д. до великого пожарища, которым Наполеон I завершил разрушительные набеги на Регенсбург, начавшиеся со времен гуннов и вандалов. Эта нелегко делимая на свои элементы сложность, эта непрестанная ломка старого и прилаживание вновь нарождающегося к отживающему и разрушаемому, составляющая главную работу той мировой силы, которую мы называем историей человечества, наложили свою печать на весь город и на каждый из камней, из которых он созидался"¹³.

Эта центральная для Буслаева идея исторической эволюции, "примирающей" прошлое и настоящее в единстве целост-

¹² Буслаев Ф.И. – Мои досуги. – М.: 1886, ч. 1, с. 134–135

¹³ Буслаев Ф.И. Мои досуги. – М.: 1886, ч. 1, с. 131–132

ной исторической реальности, находит дополнительное подтверждение в письмах из Рима. Монументальное единство как атрибут городской культуры находит в этих письмах развернутое описание. Преемственность духовной и материальной структуры Рима поддерживается прежде всего постоянством названий городских мест (подобно античным фундаментам Регенсбурга). Первое и самое сильное впечатление от римской действительности – "все эти остатки и урочища высокой древности и до сих пор носят те же названия, под коими занесла их история в свои свитки тысячи лет тому назад"¹⁴. Имена поддерживают монументальное единство города.

В Риме механизм исторической преемственности зрим воочию. Буслаев описывает банкет, данный цеховыми корпорациями в честь Гарибальди. Знаменательно место банкета – летний театр, бывший мавзолей Августа, затем, в средние века (до XIII в.) – укрепленный замок Колонна; в эпоху Возрождения античные колонны и статуи мавзолея употреблены были на строительство дворца Боргезе; с огрубением нравов, в XVIII веке, остатки мавзолея были приспособлены под арену для боя быков, а в новое время – это летний городской театр. Место принимает мету и новейшего события. Но при всех исторических метаморфозах основа здания – нижний ярус многоярусного, пирамидоподобного сооружения – остается незыблемым, возвышаясь над окрестными пятиэтажными строениями. Историческая судьба этого места, вобравшего в себя монументальные воспоминания от Августа до Гарибальди, демонстрирует наличие некоего закона непрерывной преемственной трансформации, закона приспособления остатков: "В Риме всякая старина, сколько бы ни была она далека от современности, служит на потребу текущей жизни, приноравливается, реставрируется и подновляется на запрос минуты. Последний прожитый день бросает свой мимолетный след на крепко улегшиеся слои прошедших веков и поколений, это собственно бывает в историческом развитии жизни и везде вообще, но только здесь в Риме, будучи каждый день наглядно воплощаем в новые и новые реставрации развалин и прежних сооружений, совершается это воочию, осязательно, в буквальном смысле этого слова"¹⁵.

¹⁴ Буслаев Ф.И. Мои досуги. – М.: 1886, ч. 1, с. 63

¹⁵ Буслаев Ф.И. Мои досуги. – М.: 1886, ч. 1, с. 71

Город раскрывается человеку не как собрание музейных экспонатов, а как недоступная научному анализу, неразложимая на составные части, свободно сложившаяся (и складывающаяся) историческая реальность. Результат этого процесса – не сумма достопримечательностей, а возникновение новой, монументальной реальности, не равной сумме составляющих ее памятников. Этот процесс описывается русским ученым как процесс Реставрации в широком смысле этого слова.

Город всегда историческая реальность, и невозможно избежать или предотвратить его старение. В этом постоянном обновлении, искажении, разрушении есть нечто от иконоборства. Новое прокладывает себе дорогу, разрушая старое. Отдельное место, отдельные памятники сохраняются в контексте целого как составные новой, монументальной реальности. Они живы своей принадлежностью целому – “вечному городу”. Рим – реальное преодоление времени. “Под сению этих многовековых сооружений, на которых повсюду чувствуешь здесь видимые, осязательные следы великих исторических переворотов, запечатленных громкими именами, всякое современное событие, как бы важно теперь оно ни казалось, умаляется и сокращается до мимолетного момента, ввиду той бесконечной, вдаль прошедшего, перспективы, которая так легко и наглядно рисуется здесь воображению, олицетворенная и как бы застывшая в самых строительных материалах города. Эстетики говорят, что зрелище безграничного моря или горных высот, теряющихся в облаках, производит чувство высокого; в той же мере может внушить это чувство и бесконечная даль веков в сравнении с преходящим современным событием, и это нигде в мире не может быть так ощутительно, как в стенах Рима”¹⁶.

Так смысл понятия “вечный город” раскрывается Буслаеву по-новому. Рим – свидетельство некоего закона монументальности, закона пребывания в перспективе вечности. Этот динамический покой вечности, запечатленный в камнях Рима, и дает основу всякому человеческому творчеству, его свободному развитию. Прошлое не исчезает, но как бы преобразуется в новую реальность – реальность вечного города Рима. При этом ценность историческая становится ценностью и эстетической (закон сохранения прошлого и его примирения с нас-

стоящим). Этот создаваемый монументальным Римом эффект возвышенного не доступен никакому сознательному усилию человеческого. Недоступен он и современным средствам массовой коммуникации.

Буслаев ставит вопрос: что привлекает туриста в Риме, где нет ни развлечений, ни целебных ванн, ни благоприятного климата? И отвечает так: “Этот живописный анахронизм величавого остатка древности и приоткрывшихся под его сению мелких забот текущей жизни, на каждом шагу бросающийся здесь в глаза, производит то идиллическое впечатление, которое обыкновенно соединяется в представлении о Риме и которое не успели еще сгладить опрятные и щегольские постройки последних годов: будто любишь Пусеновым ландшафтом с мирными поселениями, которые случайно набрали в своем аркадном поле на старинную мраморную гробницу и с недоумелым любопытством по складам разбирают на ней непонятные для них монументальные очертания”¹⁷.

Русский ученый предчувствует, что поддержать преемственность развития в этот “промышленный век” становится все труднее. С особым интересом (в первый раз) наблюдает он, как приспособляются старинные здания для новых нужд. В Риме под новый университет были отведены строения только что упраздненных монастырей. Оказалось, что разнообразные и хорошо изолированные монастырские помещения оказались поразительно удобными для размещения различных подразделений химического факультета – для лабораторий и хранилищ опасных химических веществ, для аудиторий и жилых помещений. Это совпадение новых требований со старинной планировкой не было случайным: “университетское преподавание издавна находило приют под сению монастырских корпораций”¹⁸. Успех в том, что решение правительства оказалось в согласии с преданием.

Это “согласие с преданием” демонстрирует и построенная в 1830–1841 гг. рядом с Регенсбургом Валгалла – мемориал великих сынов Германии. Здание “возведено не в стиле романском или готическом как преходящих моментах не установившегося художественного развития, а в стиле Афинского Парфенона, предлагающего одно из высших проявлений клас-

¹⁷ Буслаев Ф.И. Мои досуги. – М.: 1886, ч. 1, с. 126

¹⁸ Там же, с. 106

¹⁶ Буслаев Ф.И. Мои досуги. – М.: 1886, ч. 1, с. 63

сической древности, которая положила основы цивилизации всей Европы"¹⁹.

Подчеркивается слиянность этого монументального соседства: историческая мемориальность Регенсбурга сливается с вечной мемориальностью Парфенона. Буслаев завершает описание Регенсбурга таким пассажем: "Это великолепное здание отлично завершает почти двухтысячелетнюю историю Регенсбурга, присовокупляя к германской славе протекших времен памятник для прославления всегерманских знаменитостей, не только прежних и настоящих, но и имеющих народиться в будущем, и в этом смысле дает городу Регенсбургу значение вечной, никогда не преходящей монументальности"²⁰.

Но это согласие с преданием в условиях XIX в. становится не частым событием. Современная культура оказывается не способной войти в реальные диалогические отношения с культурной традицией. Часто возникают нелепые, по мнению автора, нововведения и уродливые сочетания, свидетельствующие об утрате чувства абсолютного, неспособности современного художника войти в ритм исторической трансформации. Этот разрыв временной цепи Ф.И.Буслаев показывает на примере базилики Св. Лаврентия в Риме, пластика и декор которой демонстрируют "историю христианского храма, осложненную реставрациями и перепутанную анахронизмами от времен катакомб вплоть до нынешнего папы Пия IX, который с особенным усердием возобновил эту базилику"²¹. Портал храма – античный, на паперги в ограде саркофаги с языческими сюжетами из катакомб рядом со средневековыми надгробиями, фрески XIII века; внутри базилики "все новое так и влечет мишурную позолотой, так и пестрит бессмысленным малеванием, будто в зале, вновь отделанном для балов", а между тем мозаичный пол XII в., античный саркофаг с мраморной средневековой сенью, колонны из терм и императорских дворцов, трибуна с древними мозаиками, архитрав, "собранный из отдельных мраморных кусков с орнаментами", напоминают декор византийских храмов Равенны. Лестница в подземную капеллу украшена бюстами на эффект мраморными фигурами в человеческий

¹⁹ Буслаев Ф.И. Мои досуги. – М.: 1886, ч. 1, с. 158

²⁰ Там же, с. 158

²¹ Там же, с. 118-119

рост, позднейшей дюжинной работы. Рядом с совсем новой капеллой – катакомбы!

Разрыв с историческим преданием часто приводит поновителей к музейным эффектам. Симптоматична судьба одной из святынь Рима – мраморного стола, за которым папа Григорий Святой ежедневно кормил 12 нищих. Однажды к трапезе, по преданию, тринадцатым в одежде нищего явился ангел. Капелла в стиле Возрождения, специально перестроенная для сохранения святыни, с мраморным бюстом папы Григория создает столь чуждую памятнику обстановку, что кажется, будто стол (хотя он и стоит на первоначальном месте) "нарочно поставлен во вновь отстроенном для него музее"²².

Противоречивость отношения современной секуляризируемой Европы к наследию выразительно запечатлена в судьбе Бенедиктинского аббатства в Бамберге. В главном здании упраздненного монастыря разместилась богадельня (естественен переход от "монастырской созерцательной жизни прежних веков к благотворительной деятельности нашего времени", замечает автор); но рядом с богадельней "пиволюбивая Бавария" устроила пивоварню, что столь же неуместно для монашеского подвижничества, как и для богадельной умеренности, но что своим неожиданным контрастом наводит на мысль о "бестолковой пуганице в скоплении самых противоречивых друг другу элементов в тех результатах многовековой жизни, которую мы принимаем за нашу современность"²³.

Связи европейца второй половины XIX в. с наследием носят противоречивый, даже двойственный характер: он и способен адекватно реагировать на наследие европейской архитектуры, и в то же время часто обнаруживает явные признаки неумения достойно распорядиться наследием великой городской культуры.

Буслаев обращает внимание русской публики на новую тенденцию к переименованию улиц и городских мест, тенденцию, убивающую историю и подрывающую единство общественной жизни. "Не чтущая никаких сентиментальных воспоминаний, практичность нашего времени, – пишет русский ученый, – нашла удобнее называть улицу не десятью именами, а только

²² Буслаев Ф.И. Мои досуги. – М.: 1886, ч. 1, с. 120

²³ Буслаев Ф. И. Мои досуги. – М.: 1886, ч. 1, с. 168

одним, хоть бы пришлось предать забвению десятки старых исторических имен"²⁴. Эти слова относились к Флоренции 1864 г., где впервые эта новость потрясла русского путешественника (улицы итальянского города имели много названий по местам исторических преданий и именам домовладельцев).

Буслаев видит западноевропейскую культуру не только в процессе упадка и вульгаризации — отмечается и иная тенденция духовного развития, тенденция возрожденческая. Он отмечает резкую драматическую перемену во вкусах европейской публики: то, что в 40-е годы привлекало знатоков и любителей старины, в годы 60-е занимает массу. Это открытие состоялось в галерее Уффици. Та же толпа, та же давка, как и 25 лет назад, но уже не Гвидо Рени, а Джотто и Беато Анжелико привлекают толпу. Этот массовый интерес к религиозной живописи произвел сильное впечатление на русского путешественника: "Мои уши начинали было уже терпеливо выслушивать, когда мне говорили, что религиозная живопись оных отдаленных времен никуда уже для нас не годится и что здравый смысл и практический дух нашего времени избавят наконец человечество от заблуждений фангазии, называемых изящным искусством". Но "мало-помалу прочищался и прояснялся передо мною горизонт современной мысли и современных интересов. . . И я мирился с современностью, ибо ясно видел, что это вовсе не та современность, о которой я наслышался дома"²⁵. Этот порыв к средневековому прошлому, "ввиду усиливающегося материализма", подтверждает наличие общей тенденции развития искусства и культуры в целом как многообразного исторического (предание) и международного общения ("многовековая и многонародная сложность"). Притом универсалистская тенденция второй половины XIX в. может быть реализована не посредством рационалистического построения "интернационального стиля" (такого термина еще не было, но тенденция проявилась отчетливо)²⁶, но в результате

²⁴ Буслаев Ф.И. Мои досуги. — М.: 1886, ч. 1, с. 196

²⁵ Там же, с. 199–200

²⁶ Симптоматично утверждение Э.Ренана: "Прогресс совершается благодаря разуму. Один лишь образованный ум способен созидать. Образование личности стало настоятельной необ-

преимственного развития и универсального расширения горизонта общения.

Свободное развитие искусства возможно, по убеждению Буслаева, только как развитие предания: "Между тем как на поверхности текущего времени представляется борьба нового со старым, между тем как, казалось бы, беспощадно обличаются недостатки и грехи отцов и дедов и ломаются старые порядки, история быта и литературы, вооруженная богатыми средствами современной науки, старается всеми силами доказать, что ничто не ново под луной, что всякая новизна не что иное, как тонкий слой, нанесенный временем на другие старые слои, затерянные в незапамятной давности. . . Предание, казалось бы, все больше и больше теряет в жизни свой кредит, а наука, напротив того, именно и ставит преимственное литературное предание главнейшею двигательною силою, которая в течение веков и чуть не до наших дней внушала вдохновение". И далее: "Вся работа веков и поколений и новые взгляды и идеи на одну и ту же общую нить, посредством которой новый шаг на пути развития тормозится притяжением к старине и преданию"²⁷.

Искусство обладает внутренней способностью (некою силою) к сохранению и передаче предания. Именно в произведении искусства происходит преодоление времени и исторической дистанции: "Искусство есть такая примирительная область, в которой более, нежели где бы то ни было, настоящее сближается и роднится с прошедшим (разрядка моя, — К.Р.). Греческая статуя и теперь нравится. . . Гениальное воссоздание жизни всегда и для всех будет современно. Отнимать у публики непосредственное знакомство с старинными произведениями — значит более, нежели лишать ее эстетическое воспитание исторических основ, значит лишать ее всегда новых и свежих художественных наслаждений"²⁸.

ходимостью. . . То, что в прежние времена делалось с помощью наследственности, векового обычая, преданий семейных и народных, теперь может быть достигнуто только с помощью образования". — Цит. по кн.: Пыгин А.Н. История русской этнографии. — СПб.: 1891, т. 2, с. 109

²⁷ Буслаев Ф.И. Мои досуги. — М.: 1886, ч. 1, с. 261

²⁸ Буслаев Ф.И. — Мои досуги. — М.: 1886, ч. 1, с. 401

Более того, само преемственное развитие искусства уже невозможно в условиях национальной или региональной замкнутости и требует глобального контекста, живого и постоянного контакта с искусством всех веков и всех народов²⁹. В плане практическом это означало создание музея копий – будущего Музея изящных искусств.

Все изложенное позволяет предположить, что публицистическая деятельность видного русского ученого Ф.И.Буслаева способствовала утверждению на русской почве идей исторической преемственности, приучая русскую публику рассматривать действительность в историческом аспекте, в котором прошлое и настоящее оказываются слитыми в единстве целостного процесса исторической эволюции.

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И РЕСТАВРАЦИОННАЯ МЕТОДИКА В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Комарова И.И.

Развитие общественных и естественных наук в России в XIX в. потребовало вовлечения в научный оборот колоссального объема информации, совершенствования методики научных исследований и концентрации сил на различных научных направлениях. В этот процесс постепенно вовлекались все новые слои населения от представителей высшей администрации – министров внутренних дел П.А.Валуева и Л.А.Перовского – до приходских священников, учителей гимназий и народных школ и пр. Наиболее широким было участие неспециалистов в гуманитарных исследованиях. Приведем оценку деятельности Киевской комиссии по изысканию древних зданий в 1850–е годы: "Были моменты, когда казалось, что администрация целого края только и занята собиранием материалов (археологических и архивных) для комиссии"¹.

²⁹ "Главная задача времени – всестороннее историческое и эстетическое изучение художественных произведений всех веков" (Буслаев Ф.И. – Мои досуги. – М.: 1886, ч. 1, с. 406)

¹ Левцкий С.И. 50-летие Киевской комиссии для разбора древних актов. – СПб.: 1895, с. 33

Научные силы концентрировались вокруг научных обществ, где вместе со специалистами работали все желающие заниматься различными изысканиями. В XIX – начале XX вв. в России действовало около 400 научных обществ и организаций, которые независимо от ориентации занимались и охраной вещественных памятников (описанием, регистрацией, фиксацией и реставрацией), в том числе древних зданий. Четкое преобладание исследовательской функции над бюрократической (не в пример с государственными учреждениями) позволяло обществам корректировать направления исследований в зависимости от развития науки и от интересов его членов.

Хотя круг специалистов, занимавшихся проблемами охраны и реставрации, не был однородным в социальном и культурном планах, до начала XX в. единство позиции существовало не только внутри каждого общества, но и между обществами. Одно из обществ в отдельные периоды обычно выделялось своим авторитетом, влиянием, а следовательно, и постоянным притоком как средств, так и новых членов. Поэтому развитие тех или иных отраслей археологии определялось обществом, которое занимало в это время лидирующее положение. Так, в 1850–е годы активно развивалась одна из отраслей археологии – славянская археология. Имп. Русское археологическое общество, возникшее в Петербурге в 1846 г. и обеспеченное по тем временам лучшими силами, перешло от изучения античной археологии к занятиям русской археологией. Только развитие последней включило в сферу научных исследований древнерусские сооружения (до ХУ в.).

В середине XIX в. в Москве действовала группа обществ, в том числе объединявшее московских археологов Общество истории и древностей Российских. Его ориентация на публикацию источников по бытовой истории России не удовлетворяла, однако, ту группу членов общества, которая занималась исследованием курганов, валов и древних зданий. Эту группу в 1864 г. объединило Московское археологическое общество во главе с А.С.Уваровым. С этого времени и начинается систематическое изучение памятников русского зодчества. Цель имп. Московского археологического общества, прямо не отраженная в его уставе, но проявившаяся в его деятельности, – координация всех научных сил, а также содействие развитию провинциальных обществ – способствовала росту его авторитета и влияния. Деятельность его по охране памятников была лишь частью многообразной работы и включала в себя реставрацию.

Круг объектов, привлечших внимание общества, составляли древнерусские сооружения, построенные до ХУШ в., т.е. те сооружения, которые являлись объектом исследования русской археологии. Роль МАО заключалась прежде всего в наблюдении за работами, осуществлявшимися Л.В.Далем, И.Е.Забелиным, Е.В.Румянцевым и А.С.Уваровым. Они образовали основное ядро созданной позднее при обществе Комиссии по сохранению древних памятников, которая контролировала охрану памятников, давала научные консультации и изучала памятники древнего зодчества. В Комиссию входили К.М.Быковский, И.П.Машков, Н.В.Никитин, Л.А.Обер, А.М.Павлинов и Н.В.Султанов, т.е. архитекторы, чьи имена связывают с крупнейшими реставрационными работами 2-й половины XIX в. (Успенский собор во Владимире, Успенский собор в Москве, Ростовский Кремль, собор Василия Блаженного, Коломенская стена и др.). Правда, эти работы, проводившиеся под руководством членов МАО, были начаты не по инициативе общества, а либо под влиянием запросов с мест, либо в результате распоряжений администрации.

Имп. Московское археологическое общество совмещало несколько функций: исполнительную (если автор проекта был его членом) и наблюдательную (экспертную). Публикуя в своих изданиях статьи по теории и методике реставрации, общество не только разрабатывало теоретические положения, но и способствовало их более широкому распространению. "Реставрация есть дело новое, так же как и его название. Реставрировать какое-либо здание не значит починить его, исправить, перестроить; но восстановить его вполне, в первобытном виде. . ."². Таков был взгляд на задачи реставрации. Это определило и методику работ, которые ориентировались на целостную реставрацию. "Если требуется построить вновь разрушенную часть памятника, от которой не осталось никакого следа, для восстановления ли этой сломанной части или для приспособления памятников для какого-либо назначения, то в этом случае архитектор, на которого возложена реставрация, должен вполне проникнуться стилем порученного ему памятника"³. Такой подход был характерен как для первой работы общества — реставрации палат Аверкия Кириллова на Берсеневской набережной (которая была начата в 1869 г. после передачи их в ведение общества), так и для последующих.

² Древности. — Труды имп. Московского археологического общества, т. 11, вып. 3, 1886, с. 32

³ Древности. — Ук. соч., т. 11, вып. 3, 1886, с. 44

режной (которая была начата в 1869 г. после передачи их в ведение общества), так и для последующих.

Подобная направленность определялась отношением к древним зданиям. С развитием археологии они начали осознаваться первоначально как исторические памятники, а затем и как историко-археологический документ, что обусловило особое внимание к деталям их древнего облика. Переход от понятия "исторический памятник" к понятию "документ" совершался под влиянием теоретических изысканий МАО, которые постепенно формировали требования к реставрации. Но новый подход не настолько быстро проникал в сознание, чтобы сразу и полностью перестроить практику реставрации. Основное требование по-прежнему состояло в следующем: здание должно соответствовать общим представлениям о той эпохе памятником которой оно являлось⁴.

Новые веяния, однако, сказывались на большей тщательности архивных изысканий. К тому же влиятельным обществом были доступны государственные архивы, закрытые для частных исследователей. Находясь уже на новой позиции по отношению к достоверности привлекаемых для реставрации аналогов, МАО не раз выступало против некоторых архаических, по мнению его членов, решений и требовало переделывать проект реставрации. Так произошло во время возобновления книгохранильной палаты в Синодальной типографии. Общество должно было лишь оценить проект возобновления, но оно потребовало внести в проект серьезные исправления, что и выполнил его автор-член-корреспондент общества Н.А.Артлебен. Вот как он описывал свою работу: ". . . все, что есть снаружи и внутри, было рисовано мною в настоящую величину или в возможно крупном виде, и рисовано во Владимире"⁵. Привлечение аналогов владимирской архитектуры, по которым должны были восстанавливаться ". . . все изразцы, некоторые окна, дверные петли"⁶, и вызвало нарекание со стороны МАО, потребовавшего исправления проекта реставрации.

⁴ Такой подход предполагал привлечение самых широких аналогий. В частности, роспись центральной залы палат Аверкия Кириллова была осуществлена по сохранившимся фрагментам росписи в книгохранильной палате Синодальной типографии.

⁵ ОР ГБЛ, ф. 177, картон 72, д. 30, л. 1-2

⁶ Там же

В 1880-1890-е годы в реставрационных работах, осуществлявшихся под эгидой МАО, появились новые черты, и прежде всего резко увеличилась техническая часть проекта. Много внимания уделялось обследованию грунтов, фундаментов и т.п., а также исследованию строительных материалов древних зданий. Новыми были и тщательное проведение археологических раскопок, и корректировка проекта на протяжении всей реставрации.

Отношение к памятнику как к документу потребовало новых методов исследования, более точного изучения деталей, совершенствования приемов фиксации. "Фотография, принимая с каждым днем все более и более важное участие в ученых исследованиях, достигла, наконец, возможности помогать великому делу реставрации древних зданий. . . Часто на снимке открывается то, что не могли заметить в натуре"⁷. Со временем фотографии, изготовленные в процессе восстановительных работ, становятся необходимым компонентом реставрационных отчетов⁸.

Восприятие архитектурного памятника как документа своей эпохи потребовало сохранения элементов подлинно древнего материала. Чтобы "не создавать иллюзию старины и освободить документ от подчисток и поправок", при реставрации московского Успенского собора было предложено вместо зеркальных стекол малого размера вставить стекла во весь пролет: "Устроенные таким образом железные рамы устраняют причину, вызвавшую необходимость растески окон, в то же время прямо, откровенно, правдиво не представляют никакой попытки приблизиться под то старое, что при условии достаточного освещения восстановить невозможно"⁹.

Если в 1860-1890 гг. развитие основных теоретических положений было заслугой имп. Московского археологического общества, то с середины 1880-х годов общество начинает отходить от разработки теоретических вопросов, сосредотачиваясь на обследовании памятников древнего зодчества. Это было вызвано передачей наблюдения за работами по реставра-

ции в ведение имп. Археологической комиссии (1889), которая, однако, очень долго не могла создать систему контроля, выработанную в имп. Московском археологическом обществе, и оно фактически продолжало руководить реставрационными работами в ближайших губерниях. Это привело к конфликту между Археологическим обществом и Археологической комиссией. Отход имп. Московского археологического общества от теоретических разработок в области археологии связан также со смертью А.С.Уварова, возглавлявшего эти изыскания.

В этот период благоприятные условия для дальнейшего развития теории реставрации сложились в Петербурге. Здесь, помимо имп. Археологической комиссии и Петербургского общества архитекторов, возникло несколько обществ, занимавшихся исследованием и сохранением памятников архитектуры: Общество архитекторов-художников (ОА-Х), Общество защиты и сохранения памятников искусства и старины (ОЗИС), Русское военно-историческое общество. Основным вкладом этих обществ в теорию реставрации следует считать дальнейшее расширение понятия "памятник архитектуры". В Петербурге, чья застройка сложилась в ХУШ-ХІХ вв., сооружения этого времени к началу XX в. начали восприниматься уже как памятники архитектуры.

Постепенно происходит и перераспределение аспектов деятельности между петербургскими обществами: имп. Археологическая комиссия начинает заниматься практикой реставрации, другие – теорией. В частности, выявление художественных достоинств памятников архитектуры ХУШ-ХІХ вв. связано с деятельностью имп. Петербургского общества архитекторов, Общества архитекторов-художников, Общества защиты и сохранения памятников искусства и старины. С 1901 г. имп. Археологическая комиссия, основные силы которой раньше были направлены на исследования по классической археологии, обратилась к памятникам русской архитектуры. Для наблюдения за их реставрацией была создана реставрационная комиссия в составе ПП. Покрышкина, Д.В.Милеева, К.К.Романова, а также приглашенных экспертов – Г.И.Котова, М.Т.Преображенского и др. Однако по Уставу комиссия занималась памятниками архитектуры до 1725 г., оставляя значительное число памятников классицизма без надзора.

Включая в круг охраны многочисленную группу памятников ХУШ-ХІХ вв., ОА-Х и ОЗИС развивали далее выработанные МАО теоретические положения и методику исследования памятников. Если раньше ценность подлинных развалин опреде-

⁷ Древности. – Труды имп. Московского археологического общества, т. 11, вып. 3, 1886, с. 51

⁸ В.А.Камбурцев указывал на необходимость сочетания фотофиксации с обмерами (там же, 1899, вып. 6-7, с. 177)

⁹ Археологические известия и заметки, вып. 2, 1896, с. 28

лялась в первую очередь их документальностью, то при новом подходе использовался также критерий художественной ценности: "Памятники старины прежде всего говорят художественному чувству и чувству истории"¹⁰. Это связано с тем, что в деятельности петербургских обществ, отчасти под влиянием "Мира искусства", большая часть членов которого входила в состав ОА-Х и ОЗИС, особое значение придается любованию древностью. Ценность приобретают следы любой эпохи прошлого, а удаленность от современников делает художественную форму по-своему уникальной. В одном из многочисленных отзывов на проект закона по охране памятников древности 1909 г. предложено "считать памятником старины все то, что не современно. Так, например, если существует известная школа живописи и она через 20-30 лет уступила место другой, то произведения ее являются уже памятниками старины; дома 30-40-х годов, строившиеся по плану, отличающемуся от плана теперешних построек, тоже суть памятники старины. Все, что вышло из употребления или изменило свои формы, есть уже памятники старины"¹¹. Отсюда вытекает иной подход к реставрации: "По отношению ко всякому значительному памятнику старины нельзя понятие реставрации разуместь иначе как поддержание"¹². Этот принцип нашел отражение в обосновании значительного числа реставрационных предложений начала XX в., в частности, при работах по восстановлению Батурицкого и Лялического дворцов. Инициаторами проведения реставрации выступали ОА-Х и ОЗИС. Здания дворцов, искаженные в процессе построек, предложено было поддержать починкой, не достраивая утраченных частей. Работы носили характер ремонта, в процессе которого "сделаны перекрытия, заменены негодные балки, восстановлена часть карнизов"¹³.

Не случайно признание "абсолютной ценности" всего подлинного произошло при реставрации сооружений с участием членов упомянутых обществ ОА-Х и ОЗИС, так как ориентация на учет не только исторической ценности, но и эстетических достоинств памятников наиболее ярко выразилась в деятель-

ности именно этих обществ. На практике новые теоретические воззрения проявились и в работах, курируемых имп. Археологической комиссией. Ярким свидетельством этого нового подхода служит критическое замечание в адрес этой комиссии:

"... среди археологов, особенно решительных специалистов, не имеющих никаких других занятий, ревность к "археологическим подробностям" нередко доходит до своего рода идолопоклонства пред каждым древним кирпичом или каждой архитектурной завитушкой; и ради сохранения древностей храма, подобных которому не мало, отказывают в переделках его, в расширении, или советуют строить новый храм"¹⁴.

Кроме ведущих петербургских обществ, в 1890-е годы в теоретические изыскания включился ряд провинциальных обществ. И хотя их деятельность еще нуждается в исследовании, несомненно, что им удалось выявить новые памятники.

Таким образом, столичными и провинциальными научными обществами был внесен существенный вклад в развитие теории и методики реставрации памятников архитектуры. Объективный процесс эволюции реставрационных методов и отношения к наследию в определенные периоды связан, как мы видели, с деятельностью какого-то конкретного общества, которое на данный момент ликвидировало в решении проблемы охраны и реставрации памятников. Условно этот процесс можно разделить на два периода — московский и петербургский. В первый (1860-1880-е годы) лидерствовало имп. Московское археологическое общество, что проявилось не только в крупной издательской деятельности, но и в организации археологических съездов, на которых было сформулировано понятие вещественного памятника как документа. На втором этапе развития теории и методики (1890-1910-е годы) научное лидерство перешло к группе петербургских обществ, которые вырабатывали отношение к памятнику древности как к произведению искусства и ввели понятие эстетики старины.

¹⁰ Старые годы, 1912, январь, с. 34

¹¹ Военно-исторический вестник, Киев, вып. 3, 1912, с. 16

¹² Старые годы, 1907, июнь, с. 224

¹³ Старые годы, 1912, февраль, с. 55

¹⁴ Известия имп. Археологической комиссии, вып. 41, 1911, с. 27 (о Новоспасском монастыре)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦГРМ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ И РЕСТАВРАЦИИ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ

Забицкая О.Л.

Данная статья – первая попытка познакомить читателя с деятельностью Центральных государственных реставрационных мастерских. Пока трудно подробно изложить историю мастерских, так же как и оценить конкретную работу каждого из архитекторов-реставраторов или реставрацию отдельных памятников, сведения о которых разбросаны по протоколам и отчетам архивных дел. Поэтому наша цель – в самых общих чертах рассказать о специфике деятельности ЦГРМ и об основных направлениях их работ.

Организация ЦГРМ относится к 1924 г., когда под данным названием объединилось несколько учреждений страны, что было вызвано необходимостью сконцентрировать основные силы, способные решать проблемы учета, регистрации и охраны культурного наследия¹. Мастерские образовались на основе отделений по реставрации памятников при Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе и Всероссийской Комиссии по делам реставрации с филиалами в Ярославле и Ленинграде. Организация состояла из отделений живописи, архитектуры, скульптуры, декоративного искусства и учета памятников. Были созданы научный архив и справочная библиотека, а в 1931 г. – подсобные лаборатории: физико-технический кабинет, химическая лаборатория и фотолаборатория². Таким образом, мастерские превратились в всеобразный институт по вопросам реставрации, охраны и учета памятников искусства всех видов.

В данном случае нас интересует работа отделений, занимавшихся охраной и учетом памятников архитектуры, хотя многие черты их деятельности характерны для работы мастерских в целом. К тому же охрана архитектурного наследия составляла самую значительную и существенную часть всей деятельности ЦГРМ, что объяснялось более тяжелым состоянием памятников архитектуры по сравнению с произведениями

других видов искусства. Требовались срочные меры по их поддержанию. В отличие от живописной реставрации, которой занимались и другие организации (ГТГ, Русский музей), ЦГРМ в области охраны архитектурных памятников "по характеру своей работы являлись ведущим головным учреждением страны"³. С годами роль мастерских возрастала, так как в 1927–1929 гг. Ленинградское и Ярославское отделения были упразднены и ЦГРМ стали фактически единственной реставрационной организацией в государстве⁴.

Деятельность мастерских продолжалась десять лет, отразив основные установки и противоречия своего времени.

Размах замыслов, придавший культурной жизни нашей страны в первой половине 20-х годов определенную романтическую окраску, проявился и в работе ЦГРМ. Свойственное всей стране стремление к возрождению и обновлению отразилось на задачах мастерских, ставивших своей целью как можно лучше и быстрее восстановить разрушенные памятники. Отчеты заседаний архитектурного отделения мастерских, зафиксированные в протоколах, поражают масштабами планов. Наряду с ремонтно-восстановительными работами по наиболее значительным памятникам Москвы, Ленинграда, Ярославля, необходимость реставрации которых не подлежала сомнению, намечались и велись работы в самых отдаленных районах страны (Крым, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь).

В реальности, однако, существовало несоответствие между грандиозностью замыслов и возможностями их воплощения в жизнь. Этот разрыв между желаемым и возможным объясняется в первую очередь экономическими трудностями – нехваткой материальных средств, рабочей силы, строительных материалов. Уже в 1924 г., на первом и самом плодотворном этапе функционирования мастерских, "ввиду сильной урезки кредита" пришлось установить "список первоочередных работ по памятникам архитектуры": "Московский Кремль, храм Ва-

³ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 70, ед. хр. 1037, л. 2–4

⁴ ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 17, ед. хр. 52, л. 8–10. Деятельность Ленинградской и Ярославской мастерских не рассматривается отдельно – ей присущи те же черты, что и ЦГРМ в целом. Кроме того, для характеристики ЦГРМ важна ведущая роль Москвы как основного куратора на протяжении всего существования организации.

¹ ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 17, ед. хр. 526, л. 8–10

² ЦГА РСФСР, ф. 23066, оп. 70, ед. хр. 1037, л. 54

силия Блаженного, церковь Грузинской Божьей Матери, церковь в Дьякове, постройки Троице-Сергиевой Лавры, Пафнутьево-Боровского, Болдина, Кириллова и Ферапонтова монастырей, Георгиевский собор в Юрьеве-Польском, Спасский собор в Переяславле-Залесском, а также памятники Ярославля, Новгорода, Пскова, Углича"⁵.

Помимо реставрационных трудностей, тормозивших реализацию планов мастерских, серьезным препятствием для осуществления многих реставрационных проектов стала определенная неподготовленность общественного сознания к объективной оценке труда реставраторов: во многих областях общественной жизни цель виделась скорее в разрушении наследия прошлого. Поэтому сам факт затраты сил и государственных средств на сохранение старого, а не на создание нового встречал подчас непонимание и неодобрение со стороны различных кругов общества. Например, крестьяне села Коломенского, где велась реставрация памятников, с возмущением поднимали вопрос "о целесообразности убивания народных средств на восстановление старых дворцов, которые крайне нужны на восстановление народного хозяйства, т.е. фабрик и заводов. . ." ⁶. Особенно негативное отношение вызывала реставрация церквей. Сохранение и тем более восстановление памятников культуры, связанных с господствовавшим до революции мировоззрением, было далеко не всегда понятно и нередко воспринималось неодобрительно. Кроме того, к 30-м годам распространилась идея создания городов нового, социалистического типа (Ярославль, Соликамск), что часто понималось как ликвидация древних зданий. В результате представителям архитектурного отделения ЦГРМ, уже так много сделавшим для восстановления памятников, например того же Ярославля, приходилось тратить силы на доказательство ошибочности культурных программ такого рода ⁷.

Разрыв между замыслом и его воплощением особенно заметен в середине 20-х годов – наиболее деятельного и творческого периода ЦГРМ, когда наряду с многочисленными проектами реставраций на страницах протоколов встречаются по-

⁵ ЦГА ОРСС г. Москвы, ф. Р-1, ед. хр. 7, л. 15 об.

⁶ ЦГА ОРСС г. Москвы, ф. Р-1, оп. 1, ед. хр. 363, л. 37

⁷ ЦГА ОРСС г. Москвы, ф. Р-1, оп. 1, ед. хр. 15, л. 18

стоянные напоминания об ограниченности средств и сил. К 30-м годам работы мастерских приобретают более конкретный характер, отвечающий задачам дня.

Состав архитектурной секции был неоднороден. В нее входили как уже известные архитекторы, начавшие свою деятельность еще до революции (Д.П.Сухов, И.В.Рыльский, И.П.Марковников, И.П.Мешков и др.), так и более молодые специалисты, начало и расцвет деятельности которых совпали со становлением советского государства (И.П.Засыпкин, Д.П.Барановский) ⁸. Сам выбор профессии обуславливал любовь и уважение к памятнику, определял общность взглядов членов мастерской независимо от возраста. Большое значение в работе архитектурного отделения имела преемственность: опыт дореволюционной школы был принят за основу, но постоянно дополнялся новыми идеями. Стремлением поднять реставрацию на более высокий уровень объясняется возросший в те годы интерес к вопросам методики и теории реставрации. Научный подход был введен во все области охраны – учет, регистрацию, фиксацию. Этот творческий импульс, присущий работе мастерских, в сочетании с профессиональным опытом сыграл большую роль в расцвете реставрации, характерном для 20-х годов.

Деятельность всех отделений ЦГРМ отличалась комплексностью и многоплановостью труда: каждое отделение параллельно вело работу по нескольким направлениям, тем более что возможности многих специалистов, занимавшихся одновременно вопросами охраны памятников искусства всех видов, были весьма разносторонними. Некоторые из них, например И.Э.Грабарь, принимали участие в деятельности сразу нескольких отделений ЦГРМ.

После ликвидации подотделов учета и реставрации музейного отдела и сокращения штатов сектора науки, состоявших при Главнауке, на ЦГРМ, деятельность которых до этого ограничивалась в основном консервацией и разработкой новых методов охраны и реставрации, "были дополнительно возложены совершенно новые функции: фактический учет памятников, научная проработка заключений и руководство ремонтно-реставрационными работами, контрольно-инспекторские функции" ⁹.

⁸ Перечень имен далеко не полный – указаны имена, наиболее часто встречающиеся в протоколах фонда ЦГРМ.

⁹ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 70, ед. хр. 1037, л. 53, 56.

Несмотря на разнообразие работ, основной задачей ЦГРМ все же оставалась охрана памятников – едва ли не большая часть протоколов заседаний архитектурного отделения посвящена этому вопросу. Еще в 1921 г. на первой Всероссийской конференции по вопросам реставрации И.Э.Грбавь выдвинул своего рода лозунг: "основной момент нашей работы – это охрана"¹⁰. Эта установка стала ведущей для мастерских на протяжении всей их деятельности. Проблема охраны памятников никогда еще не приобретала такого актуального значения, как в первое десятилетие Советской власти. Молодая страна наследовала огромное количество памятников, большинство которых находилось в полуразрушенном или заброшенном состоянии. Гражданская война, годы разрухи привели к тому, что многие здания оказались безхозными и использовались часто не по назначению случайными, временными владельцами, при этом нередко подвергаясь самым варварским переделкам. Срочному спасению памятников была подчинена вся деятельность мастерских, в каком бы направлении она ни развивалась. Причем если в первые годы своего существования ЦГРМ занималось охраной зданий от разрушений, вызванных объективными обстоятельствами военных и первых послевоенных лет, то в 30-х годах приходилось спасать памятники от сознательной ликвидации. Протоколы этого времени в большей степени, чем информация о восстановительных работах, содержат характеристики художественной и исторической значимости памятников, обуславливающие возможность или невозможность их сноса.

Те же факторы, которые сделали охрану памятников одной из главных проблем культуры 20-х годов, выдвинули на первый план и входившие в сферу охраны вопросы регистрации и учета, без которых были невозможны контроль за работами и их регулирование. На долю ЦГРМ выпала систематизация огромного архитектурного наследия страны¹¹. "Прежде чем охранять памятники, необходимо было их учесть", а чтобы учесть – выявить, отсюда большое внимание в работе ЦГРМ уделялось различным экспедициям по стране; планировались

¹⁰ ЦГА ОРСС г. Москвы, ф. Р-1, оп. 1, ед. хр. 19, л. 19 (протоколы ЦГРМ за 1921г.).

¹¹ Горелова С.И. Из истории реставрации в СССР. Художественное наследие. – М.: 1977.

командировки по изучению памятников в Северный край, Северо-Западную область, Кавказ, Крым, Среднюю Азию¹². В задачу экспедиций входило выявление и обследование памятника с целью установления срока очередности реставрации.

Важное значение приобретает работа по фиксации и обмерам, когда было невозможно спасти здание от разрушения и приходилось срочно составлять документацию о памятниках. П.Д.Барановский, отмечая массовую ликвидацию церковных зданий, поставил "вопрос об организации в ЦГРМ постоянной обмерной бригады". Это предложение было принято на очередном заседании архитектурного отделения¹³.

Непосредственно восстановительная работа была также подчинена задаче охраны. Исходя из позиции: во что бы то ни стало предотвратить окончательное разрушение памятников – мастерским приходилось выбирать наиболее эффективные способы и методы для поддержания зданий. Серьезная научная реставрация требовала больших расходов и значительной затраты времени, в неотложной помощи нуждалось огромное количество объектов. Поэтому важное значение в работе архитектурного отделения приобретает консервация памятников, а иногда и простейший ремонт как наиболее доступная и быстрая форма помощи¹⁴. Заинтересованная в здании организация обычно брала на себя ремонт и связанные с ним расходы. В обязанность сотрудников ЦГРМ в этих случаях входило контролировать работы и давать научные консультации.

Несмотря на ведущую роль охраны, реставрация в смысле восстановления древнего облика памятника была одной из важных сторон в работе организации. Реставрация архитектурных памятников фактически всей страны сосредоточилась в рамках архитектурного отделения ЦГРМ. Постепенная стабилизация исторических и экономических условий в стране, централизация организаций по охране и реставрации памятников, поиски новых методов работы привели к подъему реставраци-

¹² ЦГА РСФСР, ф. 23076, оп. 70, ед. хр. 1037 "Краткий отчет ЦГРМ", л. 48-49.

¹³ ЦГА ОРСС г.Москвы, ф. Р-1, оп. 1, ед. хр. 15, л. 10 об. (протоколы за 1932 г.).

¹⁴ На 1 Всероссийской конференции по реставрации указывалось, что пока не следует стремиться к полной реставрации, а надлежит закрепить наличное.

онной деятельности в первые годы функционирования мастерских. Вопреки всем трудностям в этот период была запланирована и частично осуществлена реставрация наиболее ценных памятников. С 1924 по 1927 г. велось "наблюдение за работами по зданиям в Кремле (архитектор Сухов), по Покровскому собору-музею, обследование и частичное восстановление деталей фасада домов Голицына и Троекурова в Охотном ряду, ремонт Казанского собора и восстановление его древнего облика, работы в Коломенском, Загорске, Кузьминках, Дорогобуже, Владимире и Ярославле и др. В Самарканде работа архитектора Б.Н.Засыпкина по укреплению и реставрации Улут-Бека, Шир-Дора и Шахи-Зинда"¹⁵.

Особое направление деятельности ЦГРМ представляла научная работа мастерских, никогда прежде не игравшая столь важной роли в деле реставрации памятников. Расцвет научно-исследовательской деятельности мастерских находил выражение в самых разнообразных формах – статьях, публикациях, конференциях. Обмен мнениями происходил как на очередных заседаниях архитектурного отделения, так и на международном уровне, например с Лондонским обществом охраны древних сооружений. Планировались творческие командировки за границу по обмену опытом¹⁶. Особое внимание уделялось проблемам методики, что обусловило "одну из постоянных и важнейших тем", которая разрабатывалась мастерскими, – "Методы реставрации архитектурных памятников"¹⁷. Результаты исследований применялись в повседневной практике. Об интенсивности этой творческой работы позволяет возмозможность судить просьба П.Д.Барановского "о необходимости издания накопившегося в ЦГРМ огромного научного материала, явившегося в результате. . . затруднительности проведения ЦГРМ самостоятельного издательства"¹⁸.

Особый вид научной деятельности мастерских, имевший большое значение в 30-е годы, представляла работа по диф-

ференциации памятников. Собранные о здании сведения – время постройки, художественная, историческая, мемориальная ценность – позволяли отнести памятник к той или иной категории, хотя схематичность установленных критериев часто мешала объективной оценке здания. В 1931 г. была "произведена переоценка памятников архитектуры на основах социалистического анализа", что потребовало выявления социально-экономической формации, в рамках которой создан объект, классовой принадлежности его владельца¹⁹.

Еще одно из постоянных направлений деятельности архитектурного отделения входило, по сути, также в область охраны, но имело самостоятельное значение. Речь идет о мероприятиях мастерских по вопросу использования памятников. Приходилось осуществлять не только периодический надзор за работами по приспособлению, но и постоянный контроль, направленный против самовольного использования зданий. В протоколах мастерских неоднократно можно встретить сигналы о захвате пустующих памятников (Шадринско-Долматовский монастырь – под детский дом, Донской монастырь – под коровник) и ответы на них членов архитектурного отделения²⁰. В обязанности ЦГРМ входило составление специальных инструкций по использованию зданий, где оговаривались условия передачи памятника в аренду учреждению. Прежде всего организация обязывалась максимально сохранять старый облик памятника, не подвергать его значительным переделкам.

К началу 30-х годов, несмотря на приобретение новых полномочий, перешедших к ЦГРМ от сектора науки, в деятельности мастерских происходит постепенный спад. В это время все основные силы страны были сосредоточены на укреплении ведущих областей экономики – промышленности и сельского хозяйства, что потребовало ограничения расходов в других сферах жизни. Это отразилось и на положении мастерских. Для поддержания такой разветвленной организации, как ЦГРМ, требовались значительные ассигнования, которые не могло тогда обеспечить государство. В результате низкой заработной платы, нехватки материалов, отсутствия нормального по-

¹⁵ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 70, ед. хр. 1037, л. 62.

¹⁶ ЦГА ОРСС г.Москвы, ф. Р-1, оп. 1, ед. хр. 7, л. 24 об. (протоколы за 1924 г.)

¹⁷ ЦГА РСФСР, ф. 2307, ед. хр. 52, л. 10-11

¹⁸ ЦГА ОРСС г.Москвы, ф. Р-1, оп. 1, ед. хр. 15, л. 19 (протоколы за 1932 г.)

¹⁹ ЦГА ОРСС г.Москвы, ф. Р-1, оп. 1, ед. хр. 16 (протоколы за 1933 г.)

²⁰ ЦГА ОРСС г.Москвы, ф. Р-1, ед. хр. 7, л. 26, 27 (протоколы за 1924 г.)

мещения резко снизилась численность штатов мастерских²¹. Несоответствие между расширяющимися функциями ЦГРМ и реальными возможностями организации привело ее к расформированию в 1934 г.

Центральные государственные реставрационные мастерские не были реставрационной организацией в том значении, которое это понятие приобретает позже, то есть учреждением, выполняющим заказ на реставрацию конкретного объекта, выбранного заказчиком. ЦГРМ были органом учета, регистрации, и систематизации, консервации и реставрации памятников. Весь характер деятельности мастерских определили особенности эпохи. Комплексная организация работ помогла организованно и быстро разрешить основные проблемы учета и охраны памятников искусства. Просуществовав одно десятилетие, ЦГРМ, однако, сыграли важную роль в становлении и развитии советской реставрации.

ФОРМИРОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РЕСТАВРАЦИОННОЙ МЕТОДИКИ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Соколова Т.Н.

В сохранении многообразных памятников архитектуры нашей страны сегодня используются все известные реставрационной науке виды и методы работ. Это разные способы консервации и ремонта (инженерные и биохимические укрепления, анастилоз, сохранение руин); фрагментарная реставрация, сочетающая в себе раскрытия и докомпоновки, иногда приводящая к созданию не бывавшего никогда ранее внешнего вида памятника; целостная реставрация частично или полностью утраченного памятника, т.е. восстановление его прежнего облика (новодел).

Многие специалисты, допуская осуществление всех перечисленных приемов и теоретически признавая в числе других возможность проведения целостной реставрации, все же считают, что она имеет право на осуществление в натуре лишь как редкое исключение. Однако практика последних лет показыва-

ет, что, будучи еще недавно лишь единичным явлением, целостная реставрация постепенно переходит в традицию.

Стремление к целостным реставрациям проявляется в самых разнообразных ситуациях. Например, Тракайский замок, восстановленный из руин, находится в живописном природном окружении; обвалившийся в XVI в. гигантский купол мечети Биби-Ханым вновь возвышается над историческим центром Самарканда; московская Триумфальная арка 1812 г. воссоздана в новом градостроительном окружении. По-разному решаются и архитектурно-художественные задачи целостных реставраций: руины памятников помещаются внутри бутафорских футляров, условно символизирующих облик утраченного сооружения, или достраиваются с имитацией исторических форм.

Стремление к единству в архитектурном облике отдельных фрагментов и центров городов привело к осуществлению подобных реставраций в историческом ядре Старого Таллина, Вильнюса и Львова, в реконструкции Пушкинской улицы в Одессе, Арбата в Москве, при реставрации исторической рядовой застройки Суздаля, Гороховца, Тбилиси, Москвы, Ленинграда. Насчитывается и немало других примеров целостной реставрации. Разный характер памятников и условий их расположения, появление спорных с архитектурно-художественной и научной точек зрения решений, негативные оценки таких реставраций многими специалистами заставляют пристально рассмотреть это явление.

Представляется, что формирование этой тенденции в значительной степени связано со специфическими условиями, в которых оказалось после Великой Отечественной войны архитектурно-градостроительное наследие нашей страны. В предвоенные годы научные методы реставрации, основанные на строгих архитектурно-археологических исследованиях и на прогрессивных концепциях и достижениях русской дореволюционной практики, в Европе и России находились на одном уровне. В 1931 г. в Афинах состоялась первая международная конференция реставраторов, в декларации которой была провозглашена необходимость отказа от целостных реставраций и целесообразность сохранения разновременных стилистических наслоений. Главным видом работ на памятнике была названа консервация. Остальное рассматривалось как ее частные случаи: анастилоз, раскрытие, дополнение, обновление.

Первыми действиями по спасению наследия стала работа по учету разрушений и повреждений, нанесенных наиболее ценным объектам. Она была начата в 1941 г. специально организован-

²¹ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 70, ед. хр. 1037, л. 57

ной Комиссией по охране и восстановлению памятников искусства. Специальные бригады обследовали поврежденные сооружения, принимали меры против их дальнейшего разрушения, расчищали завалы и тщательно обмеряли сохранившиеся руины, архитектурные детали, обнажившиеся конструкции, проводили фиксацию полученных данных. С 1944 по 1949 г. бригадами Главного управления по охране памятников, состоящими в основном из студентов, были произведены архитектурные обмеры 78 памятников, составившие его научный фонд. Комплекты чертежей складывались из полных архитектурных обмеров объекта или обмеров планов, фасадов, деталей декора, иногда выполнялись графические реконструкции фасадов¹.

Значение этой работы для будущей реставрации было исключительно важным, так как до войны сохранившееся архитектурное наследие не было достаточно полно зафиксировано и исследовано, ценность многих памятников не была установлена – в довоенное время систематическая работа по выявлению, изучению и сохранению памятников только нащупывала свои организационные формы.

В первые послевоенные годы на памятниках проводились преимущественно ремонтно-консервационные работы и параллельно шло их исследование², что полностью соответствовало принципам, разработанным до войны в мастерских по восстановлению и изучению памятников зодчества и живописи (ЦГРМ). Основой применявшегося метода была полнота, точность и скрупулезность предварительных исследований, обоснованность и документированность принятых решений, преобладание фрагментарной реставрации, включавшей необходимые укрепления уцелевших частей. Раскрытие от поздних наслоений

¹ См.: Практика реставрационных работ. Сб. № 1. – М.: 1950, с. 37–43

² В 1946 г. С.Н.Давыдов, начальник Специальной проектно-производственной реставрационной мастерской (СПРМ), описывая проводящиеся и предстоящие работы по восстановлению памятников Новгорода, называет обмеры, зондажи, раскопки, консервацию руин, укрепление фресок. Восстановление целостного облика руинированных памятников в программе дальнейших работ мастерской не числилось. (Давыдов С.Н. Восстановление памятников архитектуры Новгорода. – Архитектура и строительство, 1946, № 17–18, с. 10–13)

допускалось с большой осторожностью, так же как и докомпоновка утрат.

Но постепенно масштаб послевоенных разрушений направил развитие отечественной реставрации в иное русло. Предстояло возродить огромное количество исторических сооружений и восстановить жилую и общественную застройку, чтобы вернуть цельность архитектурному облику городов. Это предполагало восстановление полностью утраченных наиболее ценных памятников архитектуры, воссоздание утраченных фрагментов фасадов и интерьеров частично пострадавших памятников, возвращение единства композиции разрушенным архитектурным ансамблям и комплексам. Ведущая роль стала принадлежать целостной реставрации.

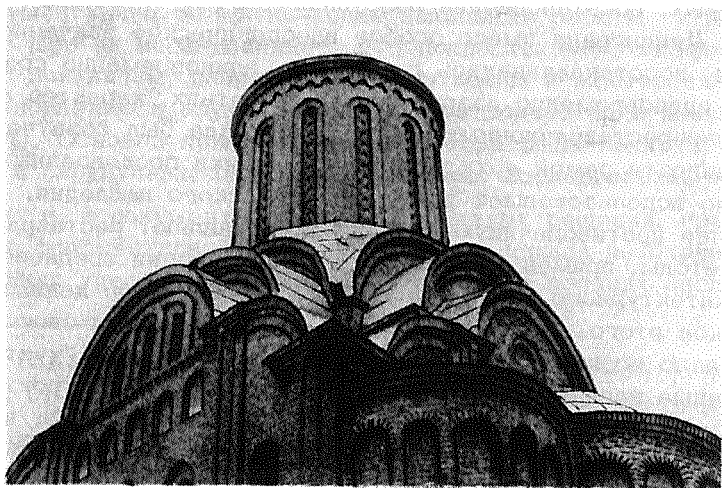
Наиболее позитивно возможности целостной реставрации раскрылись при восстановлении разрушенных войной памятников архитектуры Ленинграда и особенно его пригородов – сооружений и комплексов, составляющих в большинстве случаев архитектурно-градостроительные ансамбли барокко и классицизма. Этому способствовало несколько специфических причин: во-первых, восстановление разрушенного войной ценного наследия Ленинграда имело особое идеологическое значение; во-вторых, восстанавливались памятники, единовременно созданные и единовременно разрушенные; в-третьих, характер архитектурно-реставрационных работ Ленинграда был созвучен направленности самой архитектурной практики послевоенных лет, активно использовавшей формы классического наследия.

Более противоречивую картину представляют реставрационные методы, применявшиеся при восстановлении средневекового архитектурного наследия. Огромное количество ценных памятников этого времени, обнажив при разрушении свою структуру, дало возможность изучить их более подробно, учитывая временные наслоения. При корректировке времени строительства часто выяснялось, что сооружение более древнее, чем считалось ранее. Это наводило на мысль о возможности воссоздания его более древнего и потому казавшегося более ценным облика, чем тот, который он имел в момент разрушения. Казалось, что это не противоречит основным принципам реставрационной науки, так как имелись тщательные научные исследования самого памятника в натуре, что давало достоверные данные для его графической реконструкции и реставрации.

В этом отношении характерны работы П.Д.Барановского по Пятницкой церкви в Чернигове. До разрушения в 1941–1943 гг. собор имел вид сооружения в стиле украинс-

кого барокко, исследован был мало, датировался разноречиво. Руины собора, представлявшие как бы диагональный разрез его с северо-западного угла к юго-восточному, дали возможность детального аналитического исследования. К 1943–1945 гг. относятся обследование и консервация памятника. В 1944 г. были проведены ремонтно-консервационные работы: укрепление грозившего падением пилона, удаление остатков поздних надстроек как дополнительной нагрузки на древние своды. Обнаруженные при этом детали показали, что собор полностью сохранился в древних конструкциях, лишь скрытых поздними переделками. Проведенные исследования позволили разработать аргументированный проект реставрации первоначального вида собора, возведенного на рубеже ХП–ХШ вв. В 1945 г. была укреплена кладка и устроены временные кровли. Затем встал вопрос о восстановлении первоначального облика памятника³ (проект был осуществлен в 50-е годы).

При раскопках, расчистках и консервации руин старались как можно бережнее относиться к остаткам, сохранявшим лю-



Чернигов. Пятницкая церковь. Восстановление после военных разрушений

³ Барановский П.Д. Собор Пятницкого монастыря в Чернигове. – В кн.: Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. – М.–Л.: 1948

бую информацию о древнейшем периоде в жизни памятника. Из-за отсутствия средств консервация в первые послевоенные годы проводилась в несколько этапов с тщательной фиксацией, что в дальнейшем дало возможность восстановить многие древние сооружения с высокой степенью достоверности воссозданного облика. Один из наиболее убедительных примеров – церковь Спаса-Нередицы в Новгороде.

Создавшаяся ситуация и примеры первых реконструкций и реставраций первоначального облика древних сооружений, наиболее выразительных в архитектурно-художественном отношении, повлияли на судьбу ценных наслоений многих реставрируемых объектов. Так как памятников, подлежащих первоочередной реставрации, было очень много и не всегда удавалось обеспечить квалифицированное обследование и заключение, исчезло много ценных наслоений, появившихся в ХУП, ХУШ, ХІХ и ХХ вв. Сказывалось и отсутствие методических документов. Публикации конца 40-х годов были посвящены описаниям реставрационных работ на конкретных объектах, восстановление которых имело идеологическое и политическое значение. Это ценные ансамбли Ленинграда, Новгорода, Пскова, Москвы, Риги, Вильнюса и других городов. Публикаций же методического характера было считанное количество. Наиболее значительна статья академика И.Э.Грабаря о научных основах реставрации памятников искусства. Посвящая статью проблеме сохранения подлинности произведений живописи, Грабарь касается проблемы сохранения наслоений. Он пишет о реставрации иконы Владимирской Богоматери из московского Успенского собора: "Памятник, каждый разновременный фрагмент которого уже и сам по себе является величайшей исторической и художественной ценностью, может служить образцом продуманной и глубоко научно проведенной реставрации"⁴. Касаясь реставрации памятников древнерусского каменного зодчества, Грабарь отмечает, что восстановление утрат должно быть математически точным и полностью исключать элементы "домысла".

Первый инструктивно-методический документ был разработан в 1949 г.⁵ Разъясняя основные положения работы с па-

⁴ Грабарь И.Э. Научные основы реставрации памятников искусства. – Вестник Академии наук СССР, 1944, № 3, с. 108

⁵ Инструкция о порядке учета, регистрации, содержания и реставрации памятников архитектуры. – М.: Госархиздат, 1949

мятниками архитектуры, Инструкция не могла предусмотреть ответы на все вопросы, возникающие в практике реставрации огромного количества объектов, в частности о наслоениях и восстановлении утраченных элементов, тем более что по этим вопросам не было единого мнения. Цель реставрации здесь определялась как "восстановление или воссоздание памятника в его первоначальной форме или в ином виде, в каком памятник находился на определенную научно обоснованную оптимальную дату" (§ 38).

Задача возвращения цельности сооружению достигалась не только способом воссоздания его первоначального облика. Значительный объем работ приходился на памятники, имевшие частичные разрушения, где требовалась докомпоновка утраченного (фрагментарная реставрация). Вопрос об облике восстанавливаемых частей, фрагментов и деталей в первые послевоенные годы в большинстве случаев решался оперативно. В основном утраченные части возводились в том виде, какой они имели до разрушения во время войны. Если были достоверные научные данные об их более древнем или первоначальном облике, то его воссозданию отдавалось предпочтение. Если было очевидно, что сооружение до реставрации нуждается в основательном изучении, проводились временные ремонтно-восстановительные работы. Все разнообразие применявшейся в то время палитры реставрационных методик достаточно полно иллюстрируют работы 1945–1949 гг. на памятниках Новгорода⁶.

Как правило, при восстановлении разрушенных фрагментов старались использовать традиционный строительный материал, поэтому с течением времени визуально отличить подлинную древнюю кладку от реставрированной стало почти невозможно. Таким образом, особое значение для будущего приобретают проектные чертежи и материалы натурных обследований того времени.

При существовавшем в то время диапазоне реставрационных работ происходило постоянное совершенствование инже-

⁶ См., например, Давыдов С.Н. Восстановление архитектурных памятников Новгорода в 1945–1959 гг. – Практика реставрационных работ. Сб. № 1. – М.: 1950, с. 47–73; Шгендер Г.М. Реставрация памятников новгородского зодчества. – В кн.: Восстановление памятников культуры. – М.: Искусство, 1981, с. 43–72

нерно-технических методов укрепления, распространение которых также в некоторой степени сказывалось на направленности реставрационных работ. Например, интенсивно и удачно применявшийся при консервации укрепления каменной кладки памятников древнерусской архитектуры способ нагнетания растворов в трещины позволил избегать разборки начавших разрушаться частей, их замены новыми докомпоновками, обеспечивал их сохранность и прочность, а тем самым и подлинность. Работы по укреплению каменной кладки, начатые под руководством Н.П.Зворыкина в 1946 г. на двух исторических зданиях Москвы (звоннице собора Богоявленского монастыря и трапезной Андроникова монастыря), привели к повсеместному распространению метода, о чем свидетельствуют материалы всесоюзного совещания 1965 г. по этой тематике⁷.

Правомерность целостных реставраций памятников, разрушенных войной, была в большинстве случаев очевидна. Крупный масштаб этих работ и их достаточно сильное эмоциональное воздействие оказали влияние на направленность реставрации руин другого характера – обветшавших с течением времени памятников, много раз перестраивавшихся, сохранившихся до нашего времени в разрушенном состоянии. Очевидным становилось стремление восстановить их также полностью.

Хотя на территориях, не затронутых военными разрушениями, в первые послевоенные годы реставрация осуществлялась по довоенной методике ЦГРМ (медресе Улутбека, мавзолей Гур-Эмир, храм Самцевриса), постепенное целостные реставрации стали разворачиваться по всем республикам, так как от неогромных укрепительно-восстановительных работ стали переходить к регулярным реставрационным мероприятиям.

С 1945–1948 гг. повсеместно организуются Специальные научно-реставрационные мастерские (СНРМ), начинают проводиться крупные реставрационные работы на памятниках национального зодчества. Размах реставрационных работ был столь масштабен по всем республикам, что через несколько лет они дали большой материал для методических выводов. К 1950 г. относится первая попытка обобщения применявшихся методик, изложенная в сборнике "Практика реставрационных

⁷ Вопросы консервации каменной кладки. Материалы совещания. – М.: 1965

работ". По характеру вступительной методической статьи Ш.Е.Рагия ощущается, что многих специалистов уже тогда начало беспокоить огромное количество вновь воссоздаваемых памятников и их частей, часто не подкрепленное основательной научной аргументацией. В связи с этим подчеркивалось, что в реставрационной деятельности "недопустимы никакие творческие домыслы, никакое стремление к подновлению памятника, к внешней эффектности. Реставрация утраченных частей памятника может быть осуществлена только при наличии всех необходимых данных. Единственный метод . . . — это научный, исследовательский метод, позволяющий воссоздать художественный образ памятника с подлинной исторической достоверностью"⁸. Там же говорится, что оценка памятника (его художественного, исторического и научного значения) должна быть основана научно и документально. Конечной целью детального и всестороннего исследования должно стать раскрытие памятника.

Итак, в начале 50-х годов направленность практической реставрации остается прежней — воссоздание первоначального облика. Видна только озабоченность сохранением достоверности в облике реставрируемого сооружения. Возможно, что в огромном объеме всех проведенных в послевоенное время восстановительных работ количество памятников, которым вернули их первоначальный облик, было не столь большим, но их воздействие на общественное сознание оказалось весьма значительным. Прежде всего это касается восстановления архитектурного наследия Ленинграда и его пригородов. Оно изначально было направлено на воссоздание именно целостного облика памятников и комплексов. И с самого начала восстановительных работ достоверность была основным вопросом. Осуществлялись кропотливые и тщательные археологические раскопки на пожарищах, обмеры, фиксация, укрепительные работы. По полностью разрушенным сооружениям сразу же стали собирать исчерпывающие данные, чтобы, как говорится, не забыть архитектурный образ. Сразу же все памятники были дифференцированы на полностью разрушенные, сохранившиеся частично (в основном без интерьеров) и поврежденные. Соответственно разным предполагался и подход к их реставрации.

При характеристике реставрации памятников и ансамблей

⁸ Практика реставрационных работ. Сб. № 1. — М.: 1950, с. 3

Ленинграда и его пригородов в последнее время стал употребляться термин "художественная реставрация". Ее основная цель — возрождение древнего шедевра. Подобная реставрация в значительной мере основана на аналогиях и гипотезах и имеет компилятивный характер. Примером ее может служить реставрация ансамбля Марли Нижнего сада Петродворца⁹. В 1945 г. здесь была начата реставрация каскада, воссозданы фонтаны, расчищены и законсервированы руины дворца, восстановлены основные подходы и аллеи. Полная реставрация всего ансамбля, включающая детальный проект реставрации участка с воссозданием всех малых форм, начата в 1970 г. Причем воспроизводились не только некогда утраченные лестницы, беседки, трельяжи, перголы, фонари и г.д., но и сочинялись никогда не существовавшие в натуре элементы. Обмеры и изображения существовавших здесь малых форм не сохранились, поэтому для их создания использовались многочисленные аналоги и исторические свидетельства (отечественные и зарубежные). Таким образом, компиляция позволила в какой-то мере возродить шедевр. Концепция авторов реставрации состоит в том, что удачно подобранная и правильно примененная аналогия вернее отобразит характер эпохи, чем самая галантливая стилизация; что создание законченного, цельного архитектурного образа не только не выходит за рамки научной реставрации, но, напротив, является главной ее целью. Постепенно сформировалась самостоятельная школа ленинградской реставрации, которая стала оказывать значительное влияние на общий реставрационный процесс.

50-е годы были очень плодотворными для накопления опыта в области реставрационной методики, так как постоянно росло количество реставраций, обеспечившее большое разнообразие применявшихся приемов. Возможность натурного изучения ценнейших памятников заставила практиков и теоретиков придавать большее значение процессу исследования. Сохранение подлинности исторического сооружения, достоверность реставрационных решений продолжали в эти годы занимать умы многих исследователей и реставраторов. Например, А.В.Столетов основой своего метода считал следующие поло-

⁹ Микишагьев М.Н. Воссоздание малых архитектурных форм в ансамбле Марли Нижнего сада Петродворца. — Методика и практика сохранения памятников архитектуры. — М.: 1974, с. 105-112

жения: выполнение требований максимальной сохранности начальных элементов памятника; выявление характера изначальных конструкций и материалов и причин тех или иных деформаций на основе предварительных исследований и в процессе работы; документированную фиксацию принятых и осуществленных проектов укрепления этих памятников и методов выполнения работ¹⁰. Скрупулезность и точность отображения практических работ в проектной документации делают работы А.В.Столегова и идентичные им ценным материалом для изучения реставрационной методики этого времени.

Большое значение для формирования профессиональных взглядов имели археологические исследования Н.Н.Воронина на памятниках Владимира, Гродно, Смоленска. В одной из статей он ставит вопрос о теоретических основах исследовательской работы применительно к памятникам архитектуры как виду археологических памятников: "Обязанность археолога является и решение вопроса его реконструкции, то есть воссоздание с большей или меньшей полнотой его художественного облика". Вместе с тем Воронин считает, что для архитектурного памятника существенна не только реконструкция его изначального облика "Позднейшие искажения памятника являются порой чрезвычайно ценными показателями, документирующими изменения художественных взглядов последующих поколений"¹¹.

Представляется, что эта статья Н.Н.Воронина повлияла на направленность реставрационной методики – многие реставраторы восприняли задачу воссоздания художественного облика как свою собственную, творческую. Однако продолжавшая существовать в это время ориентация на оптимальную дату, что стимулировалось и возрождением ленинградских памятников и научными "бумажными" реконструкциями, ставила под угрозу ценные поздние наслоения.

В 1958 г. А.В.Ополовников сформулировал цель реставрации памятников деревянного зодчества Русского Севера, про-

¹⁰ Столегов А.В. Конструкции Владимиро-Суздальских белокаменных памятников и их укрепление. – Памятники культуры, 1959, № 1, с. 187–215

¹¹ Воронин Н.Н. Архитектурный памятник как исторический источник. – Советская археология, 1954, № 19, с. 74

водившейся им в течение многих послевоенных лет, как решение двуединой задачи: укрепление разрушающихся частей и восстановление прежнего архитектурного облика¹². Одним из положений его работы было отношение к поздним наслоениям. Все наслоения делились им на "прогрессивные" – относящиеся к народной культуре и на "реакционные", или "чуждые", выражающие "враждебную", "официальную, господствующую" культуру. Им выделялись также "нейтральные" наслоения (имеющие некоторую ценность). Соответственно одни подлежали восстановлению, а другие безоговорочно удалению. Как "чуждое" наслоение подлежали разборке тесовая обшивка начала XIX в., поздние пристройки и колокольни, восстановлению – прежние типы покрытий, декор, крыльца, галереи, дверные и оконные проемы и т.д. Это нашло полное выражение не только в проектах реставрации – многие памятники были восстановлены в натуре.

Практическое осуществление этих принципов вызвало массу возражений, но все же многие реставраторы применяли его методику. Несмотря на сомнительность самого метода, среди применявшихся Ополовниковым приемов были позитивные, что позже подтвердилось успешным использованием их не только на деревянных памятниках, но и на каменных сооружениях. Следствием такого отношения к наслоениям разных хронологических периодов, иногда оцениваемых как "нехудожественные", стало еще большее распространение реставраций на "оптимальную дату".

Анализ разнообразных реставрационных решений дал возможность в конце 50-х годов поставить вопросы методики реставрации памятников архитектуры на научную основу¹³. Опыт исследований позволил выявить различный характер изменений в облике памятника за его долгую жизнь (временные деформации, разрушения от стихийных бедствий и климатических условий, ошибки при постройке, преднамеренные разрушения и изменения, вызванные деятельностью людей). Отсюда

¹² Ополовников А.В. Опыт реставрации памятников деревянного зодчества Карело-Финской ССР. Автореферат на соискание уч. степени кандидата архитектуры. – М.: 1958

¹³ Максимов П.Н. Основные положения научной методики реставрации памятников архитектуры. – Практика реставрационных работ. Сб. № 2. – М.: 1958.

следует вывод о необходимости творческого, индивидуального подхода к каждому объекту. Но основным, принципиальным вопросом методики реставрации этого времени был вопрос об облике реставрируемого сооружения, а именно: какой из этапов жизни памятника должен быть восстановлен – первоначальный или один из последующих? Если прежде ценность поздних наслоений во многих случаях не учитывалась – они считались “нехудожественными”, то в конце 50-х годов высказываются мнения о равнозначной ценности разновременных наслоений, обращается внимание на различные аспекты ценности памятника (исторический, художественный, градостроительный); подчеркивается роль научных исследований как необходимого источника достоверной реставрации.

Хотя на практике многие памятники подвергались фрагментарной реставрации, в целом все же преобладала тенденция к восстановлению стилистически целостного облика (первоначального или оптимального). Стремление к стилистическому (или хронологическому) единству привело к уничтожению не только наслоений, но и целых построек, входивших в старый ансамбль (например, колокольни ХУП–ХУШ вв. Борисоглебского собора в Чернигове; колокольни середины ХУШ в. церкви Зачагия Анны “что в углу” в Москве и др.), что спустя полтора десятилетия было признано методической ошибкой¹⁴.

В 1961 г. в первой “Методике реставрации памятников архитектуры”¹⁵ фиксируются три основных разновидности реставрации, существующие на практике.

1. Восстановление первоначального облика здания с удалением всех позднейших наслоений и реставрацией утраченных или сильно искаженных древних частей.

2. Восстановление здания в том виде, который оно имело на определенном этапе своей жизни с сохранением всех существовавших к тому времени пристроек и с выявлением основной части здания в том виде, какой оно имело ко времени их возведения (реставрация на “оптимальную дату”. – Т.С.).

3. Восстановление в первоначальном виде части здания, должным образом документированное натурой и достоверными

¹⁴ Ильин М.А. Методологические вопросы архитектурной реставрации. – Методика сохранения памятников архитектуры. – М.: Стройиздат, 1974, с. 49

¹⁵ Методика реставрации памятников архитектуры. – М.: Стройиздат, 1961

архивными материалами, но без воссоздания утраченных частей памятника ввиду отсутствия научно обоснованных данных и с сохранением художественно ценных позднейших наслоений и пристроек (т.е. создание облика, никогда не существовавшего ранее. – Т.С.).

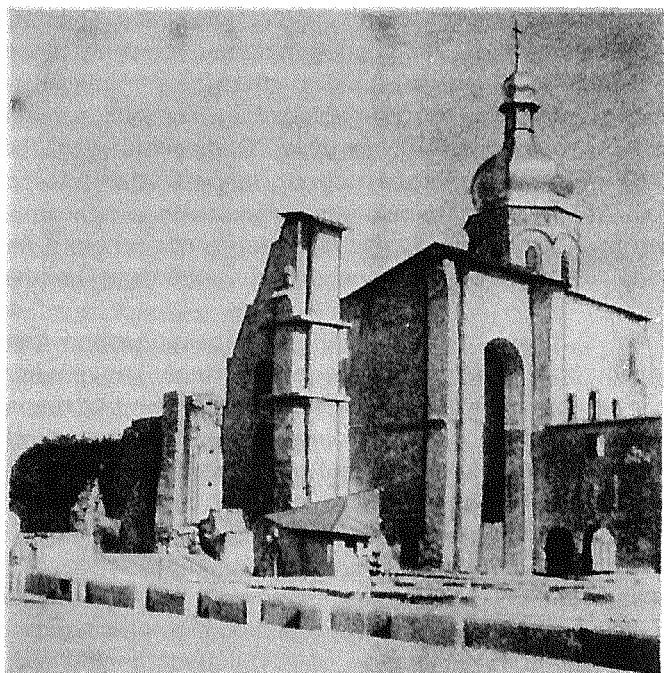
Здесь можно отметить два интересующих нас фактора: постепенное отступление на второй план укрепительно–консервационных работ, которые стали в основном составной частью фрагментарной или целостной реставрации; присутствие во всех трех разновидностях работ значительного объема воссоздания утраченных частей. Многие работы 50-х годов стали эталоном восстановительных и консервационных реставраций, но на практике укрепилась общая тенденция к целостной реставрации не только руин, но и частично разрушенных памятников, получивших повреждения за долгий срок своей жизни.

В публикациях начала 60-х годов все чаще дискутируются методы реставрации того или иного объекта. Натурные исследования древних построек позволили глубже понять и изучить закономерности архитектурного формообразования и методы работы древних зодчих. Возникает все больше оснований для беспокойства по поводу стилизаторского домысливания при выполнении значительных объемов докомпоновок, не всегда строго аргументированных на многих памятниках, поднятых к этому времени из руин. Высказываются соображения о необходимости отказаться от применяемых методов и расширить сферу применения консервационных приемов при реставрации. Специалисты реставраторы постепенно делятся на сторонников чистой консервации и, наоборот, полной реставрации.

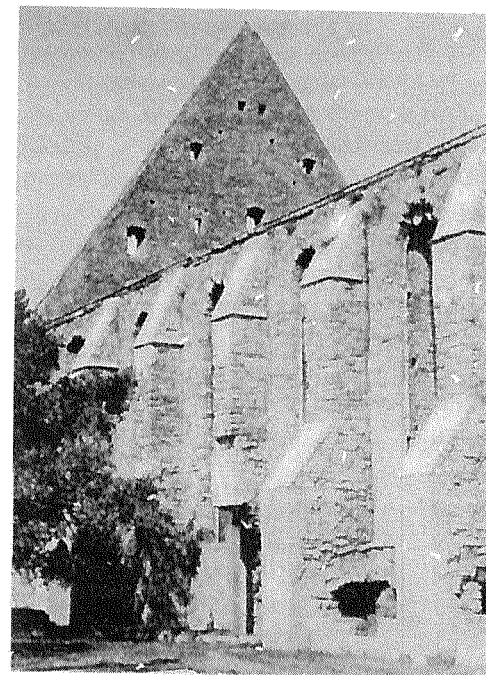
В 1964 г. Венецианская хартия реставраторов способствовала смещению акцентов в реставрационной деятельности: приоритет начинает отдаваться не целостным реставрациям, а сохранению подлинности и историчности памятников. На первое место ставится консервация, отвергается удаление усложняющих наслоений и стремление к единству стиля в облике восстанавливаемого сооружения.

Проблематику середины 60-х годов характеризует постепенное сближение крайних точек зрения, хотя отмечаются расхождения по многим, в том числе и принципиальным вопросам методики. Всесоюзное совещание по вопросам консервации каменной кладки, состоявшееся в 1965 г., в полной мере отразило состояние проблемы, так как на нем развернулась дискуссия о сущности консервации и реставрации в про-

живопоставлении одного другому. Высказываются противоположные точки зрения в отношении к "новоделу" и к "макету" в натуральную величину". С.Н.Давыдов, например, считает, что памятники архитектуры, художественные особенности которых находятся в скрытом состоянии, не представляют интереса для широких масс и находятся под постоянной угрозой уничтожения. В то же время "новоделы" стали признанными памятниками, на которые никто уже не посягнет. По мнению Г.В.Алферовой, воссоздание Псковского кремля превратило его в макет. М.К.Каргер считает, что предложенное В.П.Петропавловским полное восстановление Успенского собора Киево-Печерской Лавры чудовищно, так как он не был обмерен до разрушения, и т.д. Резолюции совещания одобряют получившую признание направленность работ на максимальное сохранение подлинных элементов памятника, сокращение затрат на создание "новоделов", внимание к разработке методических указаний по отдельным вопросам, а главное – обеспечение консер-



Успенский собор Киево-Печерской Лавры.
Консервация руин



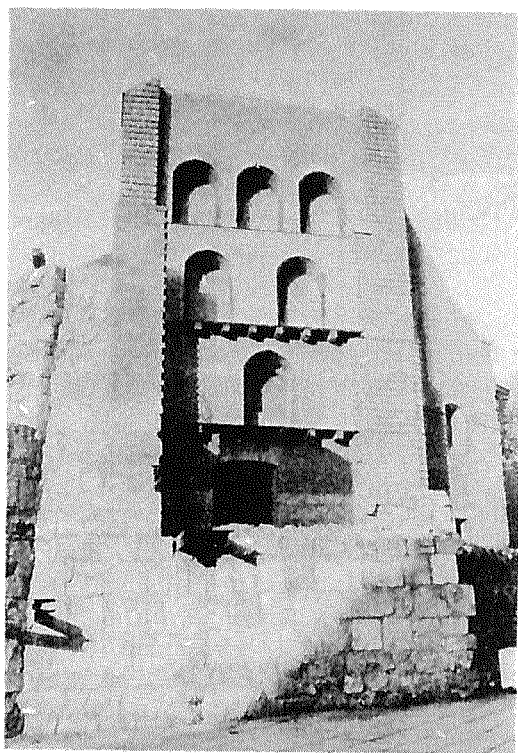
Таллин. Пирита. Монастырь Бир-
гитты. Консервация руин
1970-е годы

вации более широкого круга памятников архитектуры (всех памятников, находящихся в плохом состоянии)¹⁶.

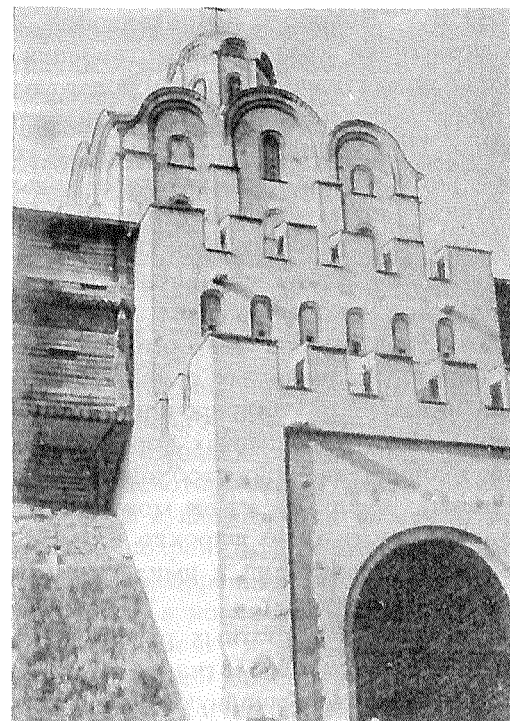
В последующие годы стали расширяться работы с использованием приемов фрагментарной реставрации и художественной консервации, а целостные реставрации осуществлялись уже в меньшем количестве. Но все же утвердить консервацию как основной вид реставрационных работ не удалось по нескольким причинам. Во-первых, как неоднократно отмечалось на совещании по вопросам консервации каменной кладки, широко распространить на практике всевозможные инженерно-технические приемы консервации оказалось сложно. Эти приемы были недостаточно эффективны, часто не удовлетворяли эстетическим требованиям. Во-вторых, стали возникать сложности с

¹⁶ Вопросы консервации каменной кладки. Материалы совещания. – М.: 1965

организацией художественно-эстетической экспозиции руинированного памятника, особенно если он оказывался в городской среде. В-третьих, оказалось трудно приспособить руинированные памятники к современному использованию – значительно проще эти проблемы решались в отношении новодела или целостной реставрации. В-четвертых, консервация оказалась невыгодной для реставрационного производства: она имеет низкие строительные расценки по сравнению с другими реставрационными работами. Все это привело не только к снижению престижа консервации, несколько укрепившей свои позиции после Венецианского конгресса, но и к сокращению фрагментарной реставрации. И с середины 70-х годов в реставрационной практике вновь произошел крен в сторону преобладания целостных реставраций, хотя послевоенные поиски в области



Львов. Восстановление структуры средневековой крепостной башни. 1980-е годы



Киев. Золотые ворота. Воссоздание древнего облика. 1980-е годы

методики привели к тому, что в реставрационной теории к этому времени уже были доказаны преимущества консервации и фрагментарной реставрации и научно обоснованы условия применения целостной реставрации¹⁷. В настоящее время установлено, что консервация и фрагментарная реставрация как художественный прием имеют еще не использованные резервы и должны шире применяться в сохранении памятников¹⁸. Относительно целостной реставрации Е.В.Михайлов-

¹⁷ См.: Методика и практика сохранения памятников архитектуры. – М.: Стройиздат, 1974

¹⁸ Подъяпольский С.С. Основы реставрации памятников архитектуры. – М.: 1983; Современный облик памятников прошлого. Под общей редакцией А.С.Щенкова. – М.: Стройиздат, 1983

ский писал в 1981 г.: "Вопрос о законченности, о цельности внешнего облика памятника после его реставрации нельзя трактовать слишком примитивно, понимая под этим обязательность его целостного восстановления в первоначальном или "оптимальном" виде. При умелой реставрации, в том числе и при фрагментарной реставрации, эстетическая цельность внешнего облика памятника может быть достигнута и без восстановления тех или иных разрушенных или сильно поврежденных частей его. Именно здесь может проявиться широким планом мастерство реставратора, его творческая инициатива, его художественный вкус: при выборе элементов, подлежащих реставрации или, наоборот, оставляемых в незаконченном виде, при расположении "пятен" отреставрированных элементов на фасаде здания, при выборе упрощенных форм, заменяющих конструктивно или эксплуатационно необходимые, но уже отсутствующие элементы, и т.п."¹⁹. Как можно заметить, подобная установка дает достаточно широкие возможности создания реставрационных стилизаций и имитаций, примеров чему мы имеем достаточно много.

Таким образом, вопрос о целостных реставрациях и воссоздании полностью утраченных памятников остается актуальным и в настоящее время. Необычайную "живучесть" этого вида реставрации обуславливает ряд причин.

Целостным реставрациям все чаще подвергаются не только памятники архитектуры, имеющие уникальное архитектурно-художественное значение, хотя вполне правомерно, что дискутируются вопросы целостной реставрации и воссоздания памятников именно этой категории. Особенно распространилось воссоздание сооружений массовой исторической застройки, обладающей историко-градостроительной ценностью как целое. Среди них есть множество отдельных сооружений, имеющих историко-мемориальное значение. Часто эти здания, имеющие статус памятников культуры, подвергаются реконструкции для создания мемориальных музеев. Как правило, им возвращается облик, соответствующий содержанию экспозиции (дом-музей Лермонтова в Москве, дом-музей Римского-Корсакова в Тихвине и др.). Воссоздание памятников этой категории не всегда бывает научно аргументировано, часто применяются

¹⁹⁾ Михайловский Е.В. Реставрация памятников архитектуры. — В кн.: Восстановление памятников культуры. — М.: Искусство, 1981, с. 31-32

анalogии и вольные гипотезы. С.С.Подъяпольский, говоря о методике современной реставрации, выделяет их в самостоятельную группу и предлагает применять к ним методы, отличные от применяемых к памятникам архитектуры. Если же здание исторической застройки не имеет статуса памятника и относится к рядовым, с ним поступают совсем уж вольно. В Ленинграде, например, появляются "новые старые дома" (Садовая, 60; Грибоедова, 67, и др.) — при реконструкции их облик сохраняется без особой строгости. Эта тенденция также имеет исторические корни, идущие от послевоенной реконструкции исторической городской ткани и восстановления массовой застройки.

Реконструкция исторических городов и их центров в послевоенные годы заключалась в основном в выборочном строительстве на местах сильных разрушений. Частичное изменение характера городской исторической ткани происходило за счет образования скверов и площадей, а иногда и просто пустырей. Не ставилось цели сохранять при реконструкции историческую городскую среду, а выборочное строительство новых зданий быстро превращалось в повсеместную перестройку.

Происходившие явления, конечно, имели свои особенности в различных городах, а тем более республиках. Сказывались и степень разрушений, и характер местных культурных традиций, и наличие памятников, и качество исторической рядовой застройки, и многое другое. Однако общим было то, что при реконструкции исторических городов отказались от перепланировки центров, сохранив исторически сложившуюся уличную сеть и принципы построения городской структуры. Ценную архитектурную застройку предполагалось учитывать при реконструкции преимущественно в аспекте сохранения памятников.

Восстановительный характер работ наряду с другими факторами привел к зарождению новой тенденции — сохранению и реконструкции исторической городской среды. В середине 50-х годов начинаются исследования исторических центров старых городов, разрабатываются проекты их реконструкции. Первыми стали проекты регенерации исторического ядра Вильнюса (1958 г.) и других городов Литвы. Регенерация рядовой исторической застройки осуществлялась разными способами: раскрытием более старых фасадов, достройкой завершений и утраченных частей, новыми вставками, стилизованными под окружающую застройку, и т.д. То, что с большой осторожностью допускалось при реставрации памятников архитектуры, для рядовой исторической застройки казалось вполне приемле-

мым. Этот процесс в дальнейшем перешел на многие города с разнообразными историческими структурами.

В конце 50-х – начале 60-х годов начинают создаваться первые музеи народного зодчества под открытым небом в Эс-



Таллин. Музей под открытым небом. Перевезенные ветряные мельницы



Ярославль. Часовня Александра Невского. Воссоздание. 1980-е годы

гонии, Латвии, Литве. Старые, часто обветшавшие постройки перевозятся и устанавливаются на новых местах. Хотя основным способом реставрации деревянных изб, хат, мельниц, часовен и т.д. считалась консервация, из-за недолговечности и ветхости дерева процент поновления был значительным. Но так как структура и характер новых частей не должны были отличаться от подлинных, также произошел эффект "новодела".

Процесс реконструкции исторических городов и создания музеев под открытым небом в настоящее время происходит по всей стране. Масштаб реконструктивных работ очень велик, а сами они чрезвычайно разнообразны. Объем "новодела" и целостных реставраций, видимо, будет увеличиваться и дальше, так как тенденция сохранения исторической городской среды все больше набирает силу.

Оценка послевоенных реставраций спустя два десятилетия после Венецианского конгресса не может быть однозначной, несмотря на весь пиетет к памятникам, разрушенным войной. Разумеется, в золотой фонд советской реставрации вошли восстановленные из руин памятники Ленинграда, Павловска, Пушкина, Петродворца, церкви Спаса-Нередицы и Спаса на Ковалево в Новгороде, Новгородский кремль, церковь Параскевы Пятницы в Чернигове, Верхний замок в Вильносе и

многие другие. Вместе с тем есть примеры и недостатков в реставрации тех лет. До сих пор не утихает полемика о правомерности воссоздания фасадов Меншиковского дворца в Ленинграде; явно нарушено ощущение подлинности в реставрации Псковского кремля; есть неудачи в восстановлении Спасо-Преображенского собора в Чернигове, восстановленные части которого отмечены геометрической сухостью; как макет рассматриваются многими возведенные заново стены и башни набережного ряда кремля в Горьком; театральность и декоративность присутствуют во вновь создаваемых интерьерах некоторых дворцов Ленинградских пригородов.

Исследование архивных материалов и других источников истории послевоенной реставрации, включение ее в социокультурный контекст, изучение персональных методов работы известных реставраторов и реставрационных школ позволяют полностью проследить намеченный пока лишь пунктиром процесс формирования реставрационной методики этого периода, выявить сложившиеся традиции и наметившиеся тенденции, установить их влияние на методы современной реставрации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДИКИ АРХИТЕКТУРНОЙ РЕСТАВРАЦИИ

Шенков А.С.

Статьи настоящего сборника являются лишь частью результатов завершеного этапа исследований по истории реставрации и представляют различные стороны этой работы. Естественно, однако, что далеко не все важные позиции работы удалось осветить в небольшом сборнике. В связи с этим представляется уместным изложить выводы, основанные не только на материалах предлагаемых статей, но на всей сумме полученных в ходе исследования материалов. Появилась возможность сформулировать ряд новых или не имевших распространения положений, а также ввести некоторые новые понятия, помогающие, на наш взгляд, лучше понять зависимость реставрационных решений от господствующих представлений о ценности наследия.

Реставрационная методика и вообще отношение к наследию всегда несут на себе печать политических интересов, служат

определенным социальным и религиозным идеям, отражают те или иные научные гипотезы и т.д. Как писал в свое время Е.В.Михайловский, реставрация "практически всегда является ответом на запросы и требования по отношению к конкретному памятнику архитектуры"¹. Однако он имел в виду прежде всего уровень культурных представлений и идей, характерных для каждого данного периода, и лишь отчасти – особенности градостроительной ситуации, общественно-политические стимулы, определяющие направленность реставрационных работ (под этим углом зрения рассматривались только послевоенные восстановления 1945–1960 гг.).

На самом же деле, как показывает исследованный нами исторический материал, эти последние стимулы принадлежат к числу самых сильных побудительных причин, от которых зависит направленность работ на памятниках. Решение Петра 1 о консервации руин Булгар мотивировалось желанием наладить дружественные контакты с местными мусульманскими племенами перед азовским походом. Поручение Александра 1 восстановить позакомарные покрытия Дмитриевского собора во Владимире – один из первых признаков курса на утверждение народности в культуре (породившего впоследствии известную монархическую триаду Уварова). Программа восстановления памятников домонгольской поры в западных областях, воссоединившихся с Россией, была связана с задачей утверждения идеи исконности русской монархической власти над этими территориями. Спор А.П.Павлинова и И.Е.Забелина о позакомарном или шипцовом покрытии Успенского собора во Владимире отражал в реставрации научные дискуссии о византийском или романском происхождении русской архитектурной иконографии. В критике Н.К.Рерихом и И.Э.Грабарем реставрации Спаса-Нередицы в Новгороде также сказались мнения о генезисе архитектурных форм: Рерих подчеркивал значение языческих корней в русской культуре, Грабарю особенно ценными представлялись плоды безыскусной, непрофессиональной архитектурной деятельности, но оба были недовольны исчезновением "наивной самодельщины" памятника, вместо которой появилось "холодное и мудрое мастерство" со следами византийского происхождения.

Раскрытие этих и подобных им побудительных причин, определявших направленность реставрации и отношение к ней

¹ Методика реставрации памятников архитектуры. – М.: 1977, с. 11

кригиков, значительно сужает область одной лишь историко-культурной мотивации развития реставрационных теорий, которой в существующих публикациях отводится, как правило, ведущее место. Разумеется, это не означает, что историко-культурные представления эпохи несущественны для понимания методов реставрации. Еще менее справедливо было бы сводить развитие реставрационной методики к зависимости от изменения политических программ, диктующих то или иное отношение к наследию. Сами политические или идеологические программы по-разному формулируют свои требования к наследию в зависимости от изменяющихся общественных представлений о его ценности.

В современной теории реставрации выделяется несколько аспектов общественной ценности памятника, однако почти вовсе не рассматривается вопрос о том, какие аспекты ценности оказывались важнейшими в глазах общества в ту или иную эпоху и как это воздействовало в свое время на принципы реставрации или поновления архитектурного наследия. Лишь отчасти этот вопрос был затронут в монографии "Современный облик памятников прошлого" (1983 г.), где отмечено ведущее значение сакральной ценности архитектурных памятников для периода предистории реставрации, а также указано на осознание их эстетической ценности лишь с конца ХУШ в. Завершенный теперь этап исследования позволяет детальнее проанализировать эволюцию общественных представлений о ценности памятников и связь этих представлений с методами реставрации.

Общественная ценность архитектурного наследия в ее сегодняшнем понимании складывается в основном из четырех аспектов: утилитарного, историко-мемориального, научно-познавательного и эстетического, но в истории реставрации необходимо дополнительно выделить упоминавшуюся выше сакральную ценность.

Наряду с аспектами общественной ценности, следует дифференцировать различные формальные характеристики памятников, связанные с теми или иными аспектами их общественной ценности. Ряд таких характеристик (стилистика, подлинность или достоверность форм) рассматриваются во всех трудах по теории реставрации, но до сих пор не предлагалось классификации формальных качеств памятников, а некоторые из них, например иконография, практически вообще не рассматривались. Осуществленные теперь исторические изыскания привели к мысли о необходимости оценивать характеристики памятни-

ков (традиционные и только предлагаемые нами к изучению) в комплексе – как совокупность свойств памятника. Причем выясняется, что отдельные свойства тесно связаны с определенными аспектами общественной ценности памятников, а потому избирательное внимание при восстановлении к некоторым свойствам наследия закономерно зависит от доминирующих в эту эпоху представлений о ценности наследия. Кратко обрисуете те характеристики памятников, которые удалось выделить в результате настоящего исследования.

Первым из качеств памятника должна быть названа его связь с конкретным местом. Так, воссоздание в ХІХ в. Десятинной церкви на месте обнаруженных фундаментов древнего киевского храма делало в глазах современников новую постройку законной преемницей прежней. Связь с местом – исходный пункт всех опытов восстановления памятников, оцениваемых как религиозная или национальная (историко-мемориальный аспект) святыня². Сюда же следует отнести такое качество, как сохранность части подлинного материала, включение которого даже в практически новую постройку как бы освящает ее. При этом подлинный материал может полностью скрываться облицовкой: в первой половине ХІХ в. важным считался не столько создаваемый материалом внешний вид, сколько сам факт его присутствия.

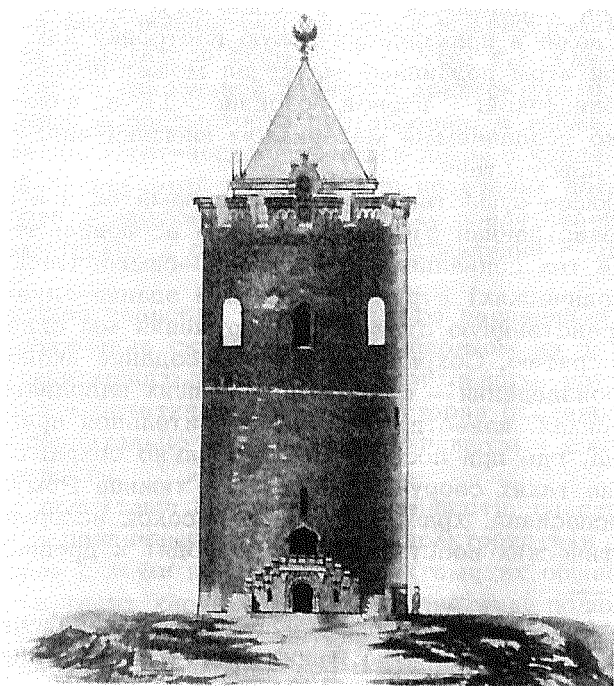
Следующее существенное качество памятника – его объемно-пространственная структура, всегда воспринимаемая как отражение тех социальных и ритуально-символических (т.е. мировоззренческих) структур, которым здание служит. Объемно-пространственную структуру сооружения мы определяем как его иконографию. Сохранение или воссоздание иконографической схемы произведения – одно из древнейших направлений работ на памятниках, известное еще по строительной практике Древнего Рима, где при постройке сознательно сохраняли общее построение таких сооружений, как хижина Ромула, Капитолий Веспасиана, храм Весты³. В русской истории примеры иконографических восстановлений восходят к древнерусскому

² Заметим, что в определенной степени значение этого качества сохранилось и до наших дней. В этом одна из причин спорности предложения В.Косточкина ставить макет-новое рядом с подлинными руинами древнего сооружения.

³ Современный облик памятников прошлого. – М.: 1983, с. 11

периоду, а начиная с ХУШ столетия мы уже определенно можем объяснять такие восстановления отношением к сооружению как к памятнику древности. В ХУШ в. к воссозданиям такого рода относятся, например, строительные работы на церкви в дворцовом селе Усово под Москвой, в первой половине XIX в. – послепожарные восстановления Ивановской звонницы в Московском Кремле и отдельных московских дворцов. С тех же позиций осуществлялись проекты реставрации Пятницкой церкви в Вильно (1844–1847 гг.), Михайловской церкви в Вишневец на Вольни (1914 г.).

Наряду с иконографией сооружения в целом, следует выделить иконографию отдельных архитектурных форм, которая также связывается с символическими структурами и, кроме того, часто указывает на возраст памятника. Такая роль иконографических схем обусловила воссоздание не только иконографии сооружения, но и иконографии куполов на Иванов-



Проект И.К. Плотникова 1897 г. реставрации башни "Белая Вежа" в Каменце-Литовском

ской звоннице в Москве, а в проекте Десятинной церкви Старова иконография купола выступает как единственно важная примета традиционности, древности сооружения. Значение, придававшееся иконографии формы, повлекло за собой уничтожение фронтона на Михайловской церкви в Вишневец, который воспринимался как примета католицизма. Встречались случаи не только воссоздания или уничтожения форм из-за специфики иконографии, но и привнесения иконографических мотивов, призванных пропагандировать идеи, связываемые заказчиком с данным памятником. Таков проект реставрации Белой Вежи, которую предполагалось увенчать государственным гербом (1899 г.).

Следующая характеристика памятника – его стилистика. Реставрации "в стиле" означают признание эстетической ценности той архитектуры, которую представляет памятник. Кроме того, стиль, как и иконография, служит приметой времени – с ним связывается восприятие историко-мемориальной ценности памятника. Стилистические восстановления начались, как известно, с периода романтизма, позднее эстетическую и историко-мемориальную ценность обрели и разновременные, разнотипные компоненты памятника.

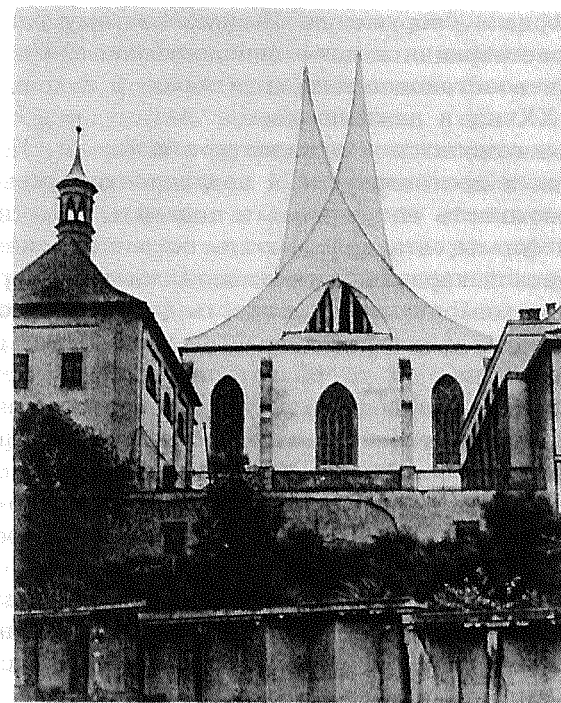
Все названные качества, за исключением связи памятника с местом, характеризуют в нем типическое, а не индивидуальное. Долгое время общество действительно довольствовалось воссозданием на конкретном памятном месте или в конкретном частично сохранившемся сооружении типических черт, характерных, по бытовавшему мнению, для данной локальной ситуации (т.е. для данного времени и региона). Но с определенного момента особое внимание общества стали привлекать качества, которые персонифицируют именно данное произведение прошлого. Прежде всего это достоверность форм. Она приобретает научно-познавательное значение, а с расширением научно-исторических представлений общества (с середины XIX в.) достоверность формы становится необходимым свойством для восприятия историко-мемориальной ценности памятника, а также для осознания его эстетических достоинств. (Прежде положительно оценивался лишь стиль прошлого, а конкретное решение могло принадлежать реставратору – оно не было "памятником").

Наконец, последняя из специфических характеристик памятника – подлинность его материала. Если выше в связи со значением места мы говорили о причастности, часто зрительно не выявленной, воссозданного сооружения подлинному ма-

териалу, то здесь имеется в виду ценность выявленного, господствующего в сооружении подлинного материала. С последней четверти XIX в. стало осознаваться, что только подлинный материал гарантирует и достоверность формы. В этом смысле он приобретает первенствующее научно-познавательное значение. Подлинный материал со свойственными ему утратами, пагиной становится особенно наглядным, достоверным признаком возраста сооружения, и потому с ним тесно связывается историко-мемориальная ценность памятника. Подлинный материал, с одной стороны, характеризующий подлинную фактуру произведения, а с другой – несущий приметы борьбы сооружения со временем, осознается как эстетическая ценность.

Помимо перечисленных позитивных характеристик памятника, должна быть названа еще одна очень существенная характеристика, которую можно определить как "негативную": памятник может не обладать некоторыми свойствами. С некоторых пор он осознается как ценность даже при фрагментарной сохранности, для него в ряде случаев перестает быть обязательной целостность, законченность формы, что для любого другого объекта было бы неперенным условием существования. До начала XIX в. консервация фрагментов в древних зданиях встречалась крайне редко (Булгары, засыпка Золотых ворот в Киеве) и была связана, по-видимому, как с отсутствием средств для воссоздания, так и с незнанием иконографии утраченного целого. К середине XIX в. фрагментарные восстановления внедряются в практику реставрации крепостных сооружений, утративших к этому времени утилитарную ценность. Недостаточность средств и туманность иконографических представлений и здесь оказывались немаловажными факторами, определявшими характер работ. Фрагментарная реставрация жилых и культовых сооружений вообще не получила распространения в доревлюционной России. Только отдельные примеры, такие как предложение возвести в Остроге новый храм рядом с руинами старого Васильевского или проект консервации руин Коложской церкви (1894 г.) с приспособлением их к службе, говорят о том, что подлинность материала, достоверность формы становятся в глазах некоторых реставраторов более сильным выражением общественной ценности памятника, чем его иконография. Как было показано, и в советское время фрагментарные реставрации не всегда обретали права гражданства.

Итак, в процессе исторического развития происходят изменения как в составе осознаваемых аспектов общественной цен-



Собор Эмаусского монастыря в Праге.
Современный вид

ности памятников, так и в отношении к отдельным его характеристикам. Постепенно усиливается внимание к научно-познавательной и эстетической ценности памятника, хотя самой существенной, во всяком случае – особенно четко формулируемой, остается историко-мемориальная ценность. По мере развития исторической и археологической науки все большее внимание уделяется достоверности форм и подлинности материала: интерес общества перемещается от общего к индивидуальному, особенно в памятнике. Однако при всей значимости этого процесса нельзя не отметить и вступающую с ним в противоречие тенденцию к сохранению старых критериев оценки наследия. На закономерность этого явления до сих пор в публикациях не обращалось внимания.

Иконография как выражение идеологического, сакрального, историко-мемориального и пр. значения памятника во многом сохранила свое значение и после того, как эти ценности наследия стали связываться с достоверностью форм и подлин-

ностью материала сооружения. Именно поэтому гипотетические целостные реставрации и даже заведомо новые мотивы предлагались при восстановлении памятников и в конце XIX в., и в начале XX в., и даже позднее.

Сказанное относится и к целостности формы. Хотя возросшее внимание к достоверности и подлинности открыло к концу XIX в. возможность воспринимать ценность памятника вне целостности формы, эта целостность сохранила значение важной эстетической характеристики, а также характеристики, раскрывающей мемориальную ценность (поскольку она запечатлена в иконографии объекта). Факты показывают, в частности, что целостное, в ущерб достоверности, восстановление памятников культовой архитектуры не всегда означало компромисс между утилитарными требованиями функционирования здания и требованиями, вытекающими из осознания его памятником древности. Именно осознание историко-мемориальной значимости сооружения приводило иногда к требованию его целостной реставрации.

Коснемся еще одного важного положения, не разработанного в теории реставрации, — о различной оценке наследия профессионалами (реставраторами, художниками, искусствоведами), заказчиками и потребителями. Естественно, что в непрофессиональной среде значительно медленнее прививаются критерии оценки, требующие специальных знаний⁴. Поэтому такие качества, как достоверность, подлинность, здесь ценятся ниже, чем среди профессионалов. Отсюда больше внимания к целостности формы, к ее иконографии.

Думается, однако, что живучесть традиционных критериев (целостность, иконография) нельзя объяснить только необразованностью заказчиков и потребителей. Памятник всегда рас-

⁴ В непрофессиональной среде вообще часто недооценка культурного и даже идеологического значения наследия, вследствие чего на первое место выходят утилитарные соображения. Характерно стремление многих градоначальников ХУШ–ХІХ вв. сломать крепостные стены вверенных им городов. Не случайно против этого часто выступали вышестоящие инстанции, видевшие в крепостных стенах памятники идеологического значения. Так, ряду московских генерал-губернаторов высочайшими указами запрещалось ломать стену Китай-города, а генерал-губернатор Долгоруков воспрепятствовал сносу стены Кремля в Коломне.

считан больше на эмоциональное, чем на рассудочное восприятие, и историко-мемориальные смыслы, связанные с иконографией сооружения, должны восприниматься без длительных умственных спекуляций, неизбежных, если мы будем выискивать эти смыслы в руинированном сооружении. Поэтому, видимо, такие мастера, как Н.Покрышкин (Коложская церковь), А.Щусев (церковь в Овруче), со всей ответственностью шли на гипотетические воссоздания целого, проявляя одновременно величайшее внимание к достоверности реставрации сохранившихся подлинных частей здания. В этом же, видимо, причина популярности целостных реставраций в годы послевоенных пятилеток. Существенно иными стали только конкретные мотивы воссозданий, в чем отразились те изменения ценностных ориентаций, которые были вызваны великими историческими событиями нашего времени.

Если в начале нашего столетия целостная реставрация Коложской церкви, например, предлагалась в связи с тем, что архитектурный образ, создаваемый консервацией, не отвечает важному историческому и церковно-археологическому значению памятника, то в 1950–1960-х годах воссоздания памятников были актом утверждения незыблемости культурных ценностей человечества, актом победы исторической памяти над вандализмом. В советское время целостные реставрации часто вызывались, кроме того, стремлением передать атмосферу, окружающую жизнь крупных деятелей истории и культуры (воссоздание пушкинского Михайловского, лермонтовского квартала в Пятигорске и др.).

Таковы некоторые историко-теоретические выводы из работы, которые, думается, корреспондируют с практическими проблемами современной реставрации. Например, признав актуальной для современности проблемы иконографии, можно в некоторых случаях ставить задачу создания новых по характеру докомпоновок, воспроизводящих, однако, наиболее общие черты характерной для данного типа памятников иконографии. Иконографическая общность старого и нового в памятнике должна при этом способствовать сохранению содержательных характеристик его образа, достаточно органичному соединению старого и нового. О продуктивности такой постановки задачи, до сих пор не возникавшей, свидетельствуют отдельные примеры из опыта реставрации в странах социалистического содружества. Так, в Праге при реставрации собора Эмаусского монастыря стены XIV в. были завершены совершенно новым по форме двухшпильным покрытием. Абсолютно современная фор-

ма неплохо прижилась к памятнику благодаря тому, что она по своей иконографии близка к храмовой архитектуре в ее новейшей западной интерпретации (которая, в свою очередь, создавалась как развитие традиционной иконографии прежде всего готического храма). В Берлине при реставрации городского собора неоклассической архитектуры (1894–1904 гг.) фонарь на куполе был воссоздан в упрощенных современных формах, которые, не претендуя на имитацию изначального вида, достаточно полно передают традиционную классицистическую иконографию и тем самым способствуют воссозданию исторического облика собора в целом⁵.

На основании предложенных публикаций можно, видимо, говорить о том, что историко-архитектурные исследования в области реставрации открывают новые возможности развития как ее общей теории, так и системы конкретно-методических предложений.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГНИМА	– Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В.Шусева
ГИМ ИЗО	– Отдел изобразительного искусства Государственного исторического музея
ГТГ	– Государственная Третьяковская галерея
ИАК	– Императорская археологическая комиссия (С.–Петербург)
ИМАО	– Императорское Московское археологическое общество (с 1867 г.)
ЛГИА	– Ленинградский Государственный исторический архив
ЛОИА	– Ленинградское отделение института археологии АН СССР

⁵ Огсворимся, однако, что положительная оценка таких реставрационных новаций – результат взгляда “со стороны”. “Изнутри” же национальной культуры картина может представляться в ином свете. Тем не менее приведенные примеры показывают, на наш взгляд, правомерность самой постановки вопроса о необходимости решения проблем иконографии, причем не только средствами гипотетических реконструкций прежних форм.

МАО	– Московское археологическое общество (1864–1867 гг.)
ОА–Х	– Общество архитекторов-художников (С.–Петербург)
ОЗИС	– Общество защиты и сохранения памятников искусства и старины в России (С.–Петербург)
ОРГБЛ	– Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина
ОРГПБ	– Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (Ленинград)
ПСЗ	– Полное собрание законов Российской империи
РАО	– Русское археологическое общество (С.–Петербург)
ТСК	– Техничко-статистический комитет министерства внутренних дел (С.–Петербург)
ЦГАДА	– Центральный Государственный архив древних актов (Москва)
ЦГАЛИ	– Центральный Государственный архив литературы и искусства (Москва)
ЦГА ОРСС	– Центральный Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (Москва)
ЦГА РСФСР	– Центральный Государственный архив РСФСР (Москва)
ЦГВИА	– Центральный Государственный военно-исторический архив СССР (Москва)
ЦГИА	– Центральный Государственный исторический архив (Ленинград)
ЦГИАМ	– Центральный Государственный исторический архив Москвы
ЦГРМ	– Центральные Государственные реставрационные мастерские (Москва)

СОДЕРЖАНИЕ

Введение: Осмысление исторического опыта и современная теория архитектурной реставрации. Щенков А.С.	3
Отношение к достоверности формы и подлинности материалов в русской реставрационной практике второй половины XIX в. Багалов А.Л.	7
Становление методики реставрации крепостных сооружений в XIX – начале XX вв. Щенкова О.П., Скопин В.В.	21
Проблемы культурного наследия и преемственного развития архитектуры в публицистике Ф.И.Буслаева 1860–1870 гг. Рыцарев К.В.	33
Историко-археологические организации и реставрационная методика в середине XIX – начале XX вв. Комарова И.И.	48
Основные направления деятельности ЦГРМ в области охраны и реставрации архитектурных памятников. Забичка О.Л.	56
Формирование некоторых тенденций реставрационной методики в послевоенное время. Соколова Т.Н.	64
Заключение: Совершенствование методики архитектурной реставрации. Щенков А.С.	86
Список сокращений	96

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ РЕСТАВРАЦИИ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ

Сборник научных трудов

Редактор Милова М.Ф.

Технический редактор Т.В.Брагина

Корректор Е.И.Московская

Подписано к печати 13.06.86	Л. 53065
Формат 60х90 1/16	Офс. 80 г. Печ.л. 6,25
Уч.-изд.л. 6,02	Тираж 800 экз. Изд.зак. № 549059
Тип.зак. № 1112	Цена 90 коп.

Центр научно-технической информации по гражданскому
строительству и архитектуре

105264, Москва, Е-264, 7-я Парковая ул., д. 21а

Тел. 163-80-30

Ротапринт ЦНТИ по гражданскому строительству и архитектуре